

ДМИТРИЙ РОМОВ

ЦЕХОВНИК

Дмитрий Ромов
Цеховик. Книга
3. Вершина мира

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70312366
SelfPub; 2024*

Аннотация

За два месяца новой жизни мне удалось кое-чего добиться. И если присмотреться можно даже различить основание той конструкции, что приведёт нас на вершину мира. Главное, не делать ошибок и планомерно и методично работать, двигаясь к цели. Да вот только обстоятельства, нередко ставят под угрозу все мои усилия.Продолжение приключений Егора Брагина, попавшего из нашего времени в 1980 год

Содержание

1. Длинные коридоры	5
2. Колобок, колобок, я тебя съем	18
3. Восточная царица	34
4. Как раскладывать пасьянсы	48
5. Время убивать, и время врачевать	63
6. В круге неизвестно каком...	79
7. ЁКЛМН	97
8. А всё хорошее и есть мечта	111
Конец ознакомительного фрагмента.	117

Дмитрий Ромов

Цеховик. Книга

3. Вершина мира

Эта история выдумана от начала до конца. Все события, описанные в ней являются плодом воображения. Все персонажи и названия, упоминаемые в книге, вымышлены. Любое совпадение имён, должностей или других деталей случайно и не имеет никакого отношения к реальным людям или событиям.

1. Длинные коридоры

В глазах Лиды совершенно отчётливо читается страх и обида за то, что доверилась мне, а я не сумел это доверие оправдать. И теперь братья по милицейскому оружию считают её предательницей, недостойной не только снисхождения, но даже сочувственного взгляда. Да что там взгляда, упоминания имени.

Как-то внезапно и очень странно перевернулась колода и раздача оказалась полной сюрпризов. Непонятно, где именно вкрался просчёт и что я не предусмотрел. Вроде же всё так хорошо складывалось. Пасьянс с исключительно красивым раскладом. Злобин сдал?

Но почему? Он же нас даже Андропову показал. Ёлки-палки... И что они теперь будут с нами делать? Увольнение из органов – это самое лёгкое и безобидное. Для Лиды, естественно. Меня-то можно уволить только из школы и комсомола... А могут, как сказала бы моя неблагодарная и эгоистичная дочь, просто выпилить.

Что за слово дурацкое? Выпилить. Он выпилился... Блин, как они вообще придумывают всю эту хрень? Она и мне своими словечками мозги загадила... Что это я? О дочери думаю? Не иначе, как в предчувствии кабздеца... Жалко было бы. Вся жизнь ведь впереди. Красивая, чудесная, полная сил

и задора. Хорошо, всё-таки, быть молодым...

И нахрена я всю эту круговерть затеял? Надо было просто жить и наслаждаться каждым моментом. Надо было любить Наташку Рыбкину и переживать сладость и восторг её первых острых, чистых и искренних чувств. Надо было есть магазинные пельмени с жидковатой сметаной из красивой стеклянной баночки. Надо было просто кайфовать, а не изображать из себя супермена и человека-паука.

Блин... Какого, нахрен, паука! Как они так сумели пролезть к нам в мозги? Как?! Что они подсыпали нам в водопровод, что даже я, проживший полвека мужик вместо Или Муромца поминаю их сраных супергероев... Ну, вот и ответ на моё нытьё. Хрен вам в сумку, а сухари вытряхни, как говаривал в запале мой отец в той давней жизни. Так вот, чтобы не повторять это безумие, в которое мы все впали в нашем сытом и «свободном» будущем, я и лезу на рожон. Или... Или просто потому, что не знаю что делать и взбиваю масло, как лягушка.

Ладно, отставить лирику. Давай лучше подумаем. Куда везут? На воспитательную беседу к товарищу Щёлокову? А может быть туда, где обитают души без вести пропавших? Если честно, не хочется... А вот что хочется, так это обнять Лиду, прижать к груди, провести ладонью по её красивым, практически чёрным шелковистым волосам. Как-то подбодрить и поддержать.

Но взгляд её красноречиво говорит, что я представляю

скорее опасность, чем защиту и утешение. Ну, да ладно. Что у нас имеется? Два мордovorота, водитель и полкан. Водитель и полкан не в счёт, они далеко, а вот мордovorоты, похоже, ребята серьёзные и вырубить их на раз-два не удастся. Может, и даже скорее всего, вообще не удастся.

Мы мчимся по Ленинградскому шоссе.

– Прошу прощения, – говорю я. – Товарищ полковник, а куда мы едем? Вы не могли бы объяснить, а то, может быть это всё какое-то недоразумение?

– Ссышь, когда страшно? – глумливо спрашивает он, не оборачиваясь в мою сторону. – Ничего, потрепещи немного. Скоро всё узнаешь, но знание это тебя не порадует, ты уж мне поверь. А пока наслаждайся путешествием, уже недолго осталось.

Не доезжая Зеленограда, мы сворачиваем на узкую дорогу и мчимся по лесу. Здесь, в лесу мигалки и сирены уже выключены. Дорога свободна и мы просто летим вперёд. Минут через пятнадцать сворачиваем на просёлок и ещё через пяток минут заезжаем на территорию некоего объекта, обнесённую бетонным забором.

Здесь располагается уродливое здание из блоков, внешне напоминающее цех, где делается наша колбаса. Правда, здесь всё более... военизированное, что ли... Нас с Лидой выводят из машины и опять ведут по коридорам. Заводят в комнату с зарешеченным окном и оставляют одних.

– Я скоро, – говорит нам полковник и уходит, а мордово-

роты остаются снаружи.

В комнате стоит диван, журнальный стол и два кресла. Больше ничего нет. Стены покрашены до уровня глаз масляной краской, как в больнице или в подъезде. Любопытно, что это за объект. Надеюсь, не мясокомбинат.

– Ты понял, что это не КГБ? – тихо спрашивает Лида.

Да как не понять, понял, конечно.

– Похоже, – продолжает она, – Злобин нас отдал ментам.

Понимаешь, что это значит?

– Ага, – киваю я и падаю на диван. – Присаживайся.

Я хлопаю ладонью по дивану рядом с собой, стараясь выглядеть, насколько это возможно, беззаботным. Но Лида на мои психологические уловки не поддаётся и предчувствует недоброе. Ну да, для этого, собственно, никакими экстрасенсорными способностями обладать не нужно.

В общем, я сижу на диване, а Лида наматывает круги по комнате. Маячит. Капает на нервы. Надеюсь, её это успокаивает, потому что волноваться есть от чего. Мы сдали конторе милицейского генерала, хотя главной целью был не он, и оказались в милиции. Отличная операция.

А нельзя всё переиграть? Как в компьютерной игре. Первая жизнь не удалась. Сколько у меня ещё в запасе?

– Лид, сядь. Или приляг. Отдохни, а то все каблукы собьёшь.

– Не могу, – отвечает она внешне спокойно. – Меня колотит. Как ты можешь так спокойно реагировать на эту неиз-

вестность?

– Иди сюда. Мы обнимемся и нам станет легче. Вот увидишь.

Она останавливается, смотрит на меня, вроде как размышляя, а потом, качнув головой, подходит и садится рядом. Кладёт мне голову на плечо, а я приобнимаю её за плечи. Так мы и сидим замерев и, по возможности, затормозив все жизненные процессы. Как ящерицы.

Через некоторое время я слышу ровное сопение. Уснула. Ну, и хорошо. Время тянется медленно и долго, но всё, как известно, рано или поздно подходит к концу, и дверь в наше узилище снова открывается. На пороге опять появляются два тех же мордоворота.

– На выход, – говорит один из них.

Мы выходим и нас снова ведут к тому же самому «Рафику».

– Передумали убивать? – спрашиваю я.

Они не реагируют.

– Или наоборот? – не сдаюсь я.

Но в ответ опять раздаётся молчание. Дверь открывается и в микроавтобус сначала забирается Лида, а следом за ней иду я. И в этот момент того громилу, который держит дверь, кто-то окликает. Он оборачивается, перенеся тяжесть на левую ногу и я, не раздумывая с силой его толкаю, реализовывая внезапную возможность.

Он падает, а я с силой захлопываю дверь и блокирую за-

мок. Одна секунда, и я за спиной водителя. С силой тычу его в спину пальцами, имитируя ствол пистолета.

– Жми, быстро! – командую я.

Машина заведена и ему остаётся только поддать газу, что он и делает, не успев, должно быть обдумать ситуацию. Мы выскакиваем в уже открытые для нас ворота. Постовой крутит головой, пытаюсь понять, что ему кричат, но мы уже пролетаем мимо, и он провожает нас недоуменным взглядом.

– Гони-гони-гони! – не даю я опомниться водителю.

Он летит на всех парах. Я оглядываюсь, погони пока нет. Но она обязательно появится, это уж точно, поэтому нужно поторопиться. Вообще, шансов у нас очень мало. Только если мы попадём в населённый пункт и попробуем оторваться там. Запутаем следы и бросим машину, поскольку на ней мы точно доедем лишь до первого мента.

– Тормози! – кричу я на ухо водителю, и он автоматически выполняет приказ. – Быстро из машины! Пошёл!!!

Он выскакивает, а я перелетаю на его место и жму по газам. Давненько я не гонял на тачке. Правда, чего уж там скрывать, «Рафик» – это совсем не «Феррари». Поэтому нужно его где-то бросить. Появляется указатель с названием населённого пункта, а в зеркале заднего вида – синие всполохи.

Я врываюсь в деревню и сворачиваю на боковую улицу. Блин! Тоже мне деревня! Два дома и поле, хрен спрячешься. За полем я вижу другую деревню и мчусь туда. Погони

не видно. Неужели проскочили по главной? Нет! Ёлки! Не проскочили, вон они там разворачиваются. Я влетаю в новую деревню. Да, она побольше. Несколько улиц, жилые кварталы. Хреново, что Лидка в форме. Каждый, кто увидит, обязательно запомнит.

У администрации, или как это, у сельсовета, не знаю, что это, стоит несколько машин. Я влетаю в гущу и глушу мотор.

– Быстро выходи!

Мы выскакиваем из «Рафика», и я затаскиваю Лиду в этот орган поселкового самоуправления. Джентльмен преклонного возраста прикалывает объявление на доску.

– Здравствуйте. Не подскажите, как нам поскорее до Москвы добраться? – спрашиваю я. – У нас машина сломалась.

– Так там автобус стоит на Лобню, – отвечает он и машет рукой на дверь, – а оттуда на электричке. Либо автобус на Москву подождите. Но он часа через два вроде. Так что, через Лобню быстрее всего. Только поторопитесь, а то он через минутку отправляется уже.

– Ох спасибо огромное! – благодарю я и тещу Лиду обратно на улицу.

Она во всей этой кутерьме, кажется, совершенно растерянной и безропотно исполняет мои команды. В общем-то, как раз, то что нужно. Я открываю дверь и тут же резко закрываю, потому что по улице несутся две милицейские «Волги» со включёнными мигалками.

Убедившись, что они промчались мимо, я вытаскиваю Лиду наружу и веду к остановке. Автобус действительно стоит там. А рядом ещё пара частников. Я шагаю прямой наводкой к именно к ним.

– Здорово мужики. Сколько до Зеленограда?

– Мы извозом не занимаемся, – неохотно отвечает один из них, подозрительно косясь на Лиду.

– Товарища милиционера ваши делишки не интересуют, – говорю я и протягиваю ему четвертную.

Он оглядывается на своих коллег, крутит головой и устраивает внутреннюю борьбу между желанием заработать и боязнью быть наказанным за незаконную трудовую деятельность.

– Погнали скорее, – нетерпеливо говорю я и открываю перед своей попутчицей заднюю дверку его «Жигулей».

– Почему в Зеленоград? – тихонько спрашивает Лида, когда мы отъезжаем противоположную от Лобни сторону.

– Потому что это немного нелогично, – пожимаю я плечами. – Искать там не должны. И опять же, ты ведь понимаешь, что им скоро расскажет тот дед из управы. Ну и вот, сама соображай.

В Зеленограде мы просим остановиться около гостиницы. Заметаем следы. Выходим и оттуда добираемся до станции. Электричка ещё не скоро, но мы получаем предложение от вороватого вида извозчика. Он косится на Лиду, но отсутствие других клиентов притупляет его осторожность.

Он довозит нас до «Речного вокзала». Сейчас возьмём такси и доедем до другой линии метро. Я планирую добратся до Ленинградского вокзала и рвануть в Питер, а из Питера на самолёте до Новосиба. А из Новосиба и до дома недалеко. Можно на поезде, автобусе или самолёте. А лучше, на тачке. Весь транспорт они вряд ли смогут проконтролировать.

Вот только доберёмся мы до дому, а что там-то делать? В целом ситуация, прямо скажем, не фонтан. Поэтому я решаю позвонить Злобину, хоть как-то выяснить обстановку. Мобильника у него естественно нет, поэтому важно, чтобы он был у себя в кабинете. И он там оказывается.

– Ты чего творишь, Брагин! – кричит он.

– Так вы нас ментам сдали, Леонид Юрьевич. Надо было ждать, пока они с бутылкой придут?

– С какой ещё бутылкой? Что ты несёшь?! Где ты находишься?

– Неважно. Я хочу знать, как можно замять ситуацию.

– Слушай сюда. Я уже всё замял. Никто вас не сдавал, МВД-шники сами подсуетились, как да что пока разбираемся. Не суть. Они вас похитили, мы узнали и решили вопрос. Вас повезли обратно, а вы сбежали.

– Как-то сомнительно звучит, – говорю я. – Неправдоподобно.

– Ты давай, Штирлиц, сомнения свои пока подальше прибери. Немедленно мчись на Старую площадь. Здание восемь дробь пять, третий подъезд. Пропуска на вас готовы. Скаже-

те фамилии. Вам нужно к Гурко Марку Борисовичу. Запомнил?

Я молчу.

– Давай, – наседает Злобин, – лети быстро, а то он ждать не будет. И тогда дело твоё накроется одной штукой.

– Менты за нами охотятся?

– Нет, никому вы не нужны больше.

Несколько секунд я размышляю и решаю сделать, как он сказал. Всё-таки это ЦК КПСС, вряд ли там нас будут хватать на глазах у резидентов всех разведок мира. На подступах, конечно, могут, но... Но я решаю рискнуть.

Марк Борисович оказывается поджарым мужчиной лет пятидесяти. Аккуратный, подтянутый, доброжелательный. Образец аппаратчика. Он заместитель заведующего отделом. Наш земляк, имеющий обширные связи в родном городе и немалые в Москве.

Мы повторяем всю историю, рассказанную до этого Злобину. У Гурко уже находятся копии всех документов и он просматривает их, слушая нас с Лидой. В основном, меня, конечно. Лида просто отвечает на его вопросы.

– Ну, что же, – кивает он. – Всё понятно. Надо было, конечно, через Захарьина решать.

– Через Ефима Прохоровича? – удивляюсь я.

– Разумеется, – кивает Гурко. – Очень осведомлённый и уважаемый партиец. Он, кстати, неплохо отзывался о тебе.

Мы разговаривали сегодня. Так что навести его, когда вернёшься. Если бы всё изначально пошло по партийной линии, проще было бы принимать решения. А так некоторые товарищи, которые нам совсем не товарищи, будут пытаться представить всё дело, как грызню ведомств. Соображаешь?

Я киваю.

– Правда, – продолжает он, я так понял, Юрий Владимирович лично настроен против Каховского. А это большое дело, да?

Он поджимает губы и о чём-то размышляет, переводя взгляд с Лиды на меня и обратно.

– А вы просто спецназовцы, да? – вдруг улыбается Гурко. – Голубые береты. Как вы сбежали-то? Это ж вообще нонсенс. Пряма-таки пощёчина кое-кому.

Он, не сдержавшись, начинает смеяться.

– А как так получилось вообще, что они нас взяли? – спрашиваю я.

– Так Каховский же с Троекуровым тоже на месте не сидели, – отвечает Гурко.

– А они как узнали? Всё же шито-крыто было.

– Артюшкин ваш, похоже, правду матку рубанул. Он, конечно, молодец, принципиальный, но в милиции ему больше не работать. Да и вам Лидия Фёдоровна, возможно, придётся что-то другое подыскать. Ну, с этим мы поможем. Не беспокойтесь.

Да, Лидку я втянул по самые уши, но у меня на неё име-

ются планы. В профессиональной плоскости. Так что, если она из ментовки вылетит, я знаю, что с ней делать. Хотя, если не вылетит, даже ещё лучше будет. Посмотрим, в общем.

– Ладно. Езжайте в гостиницу и ждите звонка. Вы голодные?

– Да, – киваю я. – Ну, это мы решим.

– Не надо ничего решать. Зайдёте сейчас в нашу столовую. Там уже всё давно решено.

Он усмехается и нажимает кнопку селектора.

– Слушаю, Марк Борисович, – отвечает секретарша.

– Наташенька, выпишите, пожалуйста товарищам спецпропуска в столовую, – говорит он и продолжает уже для нас. – Столовая здесь, рядом. Выйдете из подъезда, повернёте направо и сразу за церковью увидите трёхэтажное здание. Это она и есть. Перекусите и поедете в гостиницу. Я позволю. Может, и ночью даже. Так что ждите.

Мы прощаемся и уходим. Поворачиваем направо, идём мимо Троицкой церкви и заходим в святилище вкусной и здоровой пищи. Предъявляем пропуска и попадаем в просторный вестибюль. Идём мимо газетного киоска и касс. Раздеваемся в гардеробе и по красивой лестнице поднимаемся в общий зал.

Народу мало и мы садимся за небольшой столик. Поскольку я очень голоден, то набираю всего и побольше. Беру салат с крабами за тридцать копеек, икру паюсную за семьдесят шесть и спинку осётра с огурцом за сорок пять, а ещё пор-

цию сливочного масла за четыре копейки. Это закуски.

На первое – суп картофельный с осетриной за двадцать восемь копеек, а на второе – котлеты полтавские с картофельным пюре за сорок три. Кофе чёрный – восемь копеек, два кусочка хлеба по копейке. Итого получается два рубля, тридцать шесть копеек. У Лиды выходит всего рубль шестьдесят.

Отобедав или уже практически отужинав, мы спускаемся в метро и через двадцать минут заходим в мой номер, и тут же раздаётся телефонный звонок.

– Алло, – говорю я, сняв трубку.

– Егор, это Гурко, – торопливо бросает Марк Борисович. – Вы нужны здесь. Срочно приезжайте!

2. Колобок, колобок, я тебя съем

– Машину за вами я уже послал – продолжает Гурко. – Быстро выходите вниз и ждите водителя у стойки регистрации. Он зайдёт. Смотрите у меня, чтоб прилично выглядели.

Да вроде ж мы и так прилично. Я в костюме, Лида в форме. Не успев отдохнуть, спускаемся вниз.

– Егор! – сетует Лида. – Мало того, что у меня из-за тебя вся жизнь наперекосяк пошла, так ещё и покоя никакого. Все ноги сбила. Дома, между прочим, уже десять вечера. Порядочные девушки спать ложатся, а не по ЦК КПСС носятся, не говоря уже обо всём остальном.

– Терпи, мать, и Родина тебя не забудет. Ну, и я тоже. Поступлю, как полагается поступать с порядочной девушкой, если ты не против. Ты видела, как на тебя этот Гурко смотрел. Думаю, сейчас предложит тебе место в политбюро и руку с сердцем вдобавок. согласишься?

– Подумаю, – серьёзно отвечает она. – Чего им надо опять?

Мы снова оказываемся в кабинете Гурко.

– Вы просто герои дня сегодня, друзья мои, – говорит он. – Известность ваша даже Иосифа Кобзона затмевает.

– Надеюсь, петь не придётся? – уточняю я. – А то мы с

Лидией Фёдоровной сегодня не репетировали.

– Юмор – это хорошо. Только не стоит допускать вольности, когда будете разговаривать с секретарём ЦК. Хорошо?

– Конечно, Марк Борисович. А мы будем?

– Вот и славно, – потирает он руки. – И да, будете. Сейчас подойдёт. Человек уважаемый, и от того, как вы с ним поговорите будет зависеть, что он доложит наверх. Второй секретарь обкома величина немаленькая, поэтому прежде, чем решить вопрос будут взвешивать все плюсы и...

Он не успевает договорить, потому что этот момент дверь открывается и в кабинет входит немолодой сухощавый и сутулый человек с печальным лицом и круглыми птичьими глазами. Прямо не просто секретарь, а птица-секретарь.

– Сиди-сиди, Марик, – машет он рукой поднявшемуся Гурко и сам садится за приставной стол.

Повисает пауза. Мы с Лидой стоим перед ними, и я чувствую себя так, будто они действительно ждут, когда мы начнём петь.

– Ну, – кивает птица-секретарь. – Чего?

Не понимаю...

– Садитесь, – хмурится он. – Давайте, рассказывайте. Значит ты была в этом казино засланным казачком. Так что ли?

– Так точно, – кивает Лида. – Я вошла в доверие к злоумышленникам и собрала материалы, подтверждающие их преступную деятельность.

– А потом, значит, они тебя похитили. Правильно?

– Так точно.

– Узнали, что ты сотрудница?

– Никак нет. Я сделала случайную ставку и она неожиданно выиграла.

– Сколько поставила? – спрашивает он.

– Десять рублей.

Лида сидит на краю стула, спина ровная, как по линейке, сама сосредоточенная, собранная. Просто любо да дорого.

– Ого, – говорит сутулый, всё по-настоящему. – И сколько выиграла?

Она немного смущается и бросает на меня взгляд. Я едва заметно киваю.

– Восемь с половиной... тысяч.

– Чего?! Восемь с половиной тысяч? Серьёзно?!

– Так точно.

– Ну вы даёте, сибиряки, – удивляется он. – И бандиты, стало быть, схватили тебя, чтобы отобрать деньги. Так?

– Так точно.

– Ну, и где деньги? У них, я так понял, денег не нашли.

– Не могу знать, – твёрдо отвечает Лида. – Они сразу забрали мою сумочку. Там лежал весь выигрыш. Сумочка приобщена к делу в качестве вещественного доказательства. О деньгах мне ничего не известно.

– Понятно... – кивает он и не мигая смотрит ей в глаза.

Потом переводит взгляд на меня.

– Ну, а ты-то тут с какого боку? – спрашивает он и гипно-

тизирует взглядом.

– Я вошёл в контакт с подозреваемым Каховским... Младшим. И сообщил информацию капитану Артюшкину и майору Баранову. На общественных началах, так сказать. По личной инициативе.

– Инициативный какой, – хмыкает сутулый.

– Я также оказался случайным свидетелем похищения и проследовал за преступниками и сообщил органам о местонахождении лейтенанта Пироговой.

– И как ты там раньше милиции оказался?

– Воспользовался автомобилем первого секретаря горкома ВЛКСМ.

– И как тебе это удалось?

– Я являюсь внештатным членом бюро горкома и...

– А что, и такие бывают? – перебивает он меня и поворачивается к Гурко. – Это его что ли Ефим хвалил?

– Да, Александр Михайлович, – подтверждает тот.

– Ясно всё с вами, – кивает сутулый. – А почему пошли в КГБ а не в МВД?

– Так... Так ведь Каховский подключил начальника областного УВД...

Сутулый поднимается. Мы все тоже встаём.

– Вижу, – говорит он, – плохи дела в отдалённых доминионах. Некоторые зарвавшиеся начальники совсем совесть утратили! Честь коммуниста позорят, честь милиционера, честь советского гражданина! Воруют, самодурствуют, бес-

чинствуют! Хорошо, что ещё имеются горячие и бесстрашные сердца, готовые ради Родины собой рисковать. Молодцы. Пирогова, ты коммунистка?

– Нет, – теряется Лида.

– Пока... – добавляю я.

– Не затягивай, – кивает сутулый и не мигая смотрит на Лиду.

– Ну, с тобой всё ясно, – машет он рукой, поворачиваясь ко мне. – Молодой ещё. Хоть и ранний. Работайте, товарищи. Работайте!

Не прощаясь, он поворачивается и выходит из кабинета. Мы с Лидой вопросительно смотрим на Гурко.

– На этом всё, – разводит он руками и улыбается. – Дело сделано.

– Наши победили? – спрашиваю я.

– Победили, – соглашается Марк Борисович. – Всё, можете спокойно возвращаться к себе. Никто вас теперь пальцем не тронет. Занимайтесь своими делами. По Лидии Фёдоровне будет принято решение в ближайшее время, но это уже по месту службы. Мы будем рекомендовать её перевод в другое ведомство. С присвоением очередного звания. Я, от имени партии большевиков, благодарю вас обоих. И свяжись, как приедешь, с Ефимом Прохоровичем. Это тебя, Егор, касается.

– Служу советскому союзу, – отвечаю я.

Из ЦК мы опять добираемся своим ходом. Я предлагаю пройтись пешком и Лида, поколебавшись, соглашается. Мы идём по вечернему городу и любимся его огнями. Вдыхаем воздух древних улиц и чувствуем силу и мощь своей столицы. Трудно тебе придётся через несколько лет, как и всем нам. Но ничего, мы что-нибудь придумаем...

Когда приходим на Красную площадь, становится темно. Башни Кремля сияют в свете ярких прожекторов, рубиновые звёзды горят с магической силой, а влажный морозный воздух создаёт таинственные световые ореолы вокруг башен.

– Как красиво... – шепчет Лида.

Ну, ещё бы. Дорогая моя столица, золотая моя Москва, её вечное волшебство.

Я смотрю на Лиду. Она разругалась от ходьбы и лёгкого морозца. А ещё от того, что груз сомнений и тревоги последнего времени спали, как тяжёлый камень с души. Если бы не милицейская форма, можно было бы сказать, что она похожа на гимназистку из песни, чуть пьяную от мороза.

– Ну что, в нумера? – спрашиваю я, чуть подталкивая её в бок. – Есть не хочешь?

– Не, – улыбается она и машет головой. – Спать хочу.

Она берёт меня под руку и кладёт голову на плечо. Так мы и шагаем всё пять минут, что занимает наш путь от Красной площади до гостиницы.

Когда мы подходим к стойке за ключами, нам передают,

что в баре нас ждёт Злобин.

– Я уж собирался домой уходить, – качает он головой. – Гуляли что ли?

– Ну а как же, – отвечаю я. – Когда ещё в столицу приедем? Хоть надышаться воздухом вашим.

– Приедете, – улыбается он, – какие ваши годы. Вы голодные?

– Нет-нет, спасибо. Мы же в ЦК-овской столовой обедали. Теперь неделю ничего есть не будем, чтобы не перебивать вкусовые оттенки воспоминаний.

– Ну, ты завернул, – смеётся похожий на мафиози Злобин.

– Леонид Юрьевич, давайте только девушку отпустим, а то она на ногах не стоит. У нас же разница во времени, да она и переволновалась сегодня.

– Не возражаю, – кивает он. – Единственное, Лида, послезавтра прямо с самого утра идите к подполковнику Куренкову. Он скажет, что делать. Понятно?

– Так точно, – отвечает Лида.

– Ну и хорошо. Рад был с вами познакомиться и благодарю за службу.

– Служу Советскому Союзу, – тихо, но очень чётко отвечает она.

Злобин протягивает руку, Лида пожимает её и уходит к себе, а я ещё с час, наверное, сижу с полковником. Он рассказывает, что Троекурова привлекать никто не будет, просто отправят в отставку. Ещё я узнаю, что по проверенным

и достоверным данным, у заместителя Щёлокова случился сердечный приступ на фоне всех этих безобразий.

В частности, после того, как выяснилось, что десятиклассник угнал с территории спецобъекта автомобиль и скрылся в неизвестном направлении. Он хохочет, рассказывая это и, понизив голос, доверительно сообщает, что *сам*, при этом он показывает указательным пальцем наверх, остался очень доволен сегодняшними событиями.

– Так что, Егор, ты сегодня герой, – хлопает меня по плечу Злобин.

– А как они вообще узнали, где мы с Лидой живём?

– Ну, это узнать проще пареной репы. Они же МВД, а не кукольный театр, правда?

– А как, в таком случае, узнали, что именно мы им нужны?

– Разбираемся. Могу только сказать, что Артюшкин твой, похоже, с катушек слетел. Разорался, наговорил лишнего. В общем, вылетит он из ментовки.

– А его не хотите трудоустроить? – спрашиваю я.

– Не, такие нам не нужны. Бросить не бросим, приткнём куда-нибудь, но о службе может забыть.

– Думаю, – пожимаю я плечами, – для него счастье, что Каховский-младший своё получит. Главная награда.

– Это уж точно, получит. Тут без вариантов. И по старому делу тоже.

– А батя его? – спрашиваю я.

– Это пусть партия решает. Но я думаю, сделают по-ти-

хому, без скандалов. Хотя, посмотрим. Главное, что всё это вовремя случилось, понимаешь? Так что повезло вам.

Выпив полбутылки коньяка, Злобин начинает собираться.

– Ладно. На этом пока всё. В школу КГБ не желаешь поступить?

– Не знаю... – удивлённо отвечаю я. – Не думал, честно говоря. Ну, и туда же, наверное, не так просто...

– Думай. Время у тебя есть. А насчёт непросто... не знаю, основной экзамен ты уже сдал сегодня. Скажу тебе прямо, наши просто ох**ли, когда узнали, что ты у ментов машину угнал. И не погорел, дошёл до Москвы. Вой был и ржач на всю "контору". Школьник, мля. Если б ты не позвонил, кстати, молодец, что позвонил, так вот, если б не позвонил, никто бы и не знал где ты есть.

– Так если они нас уже обратно везти собирались, то и не берегли, как положено. То есть, по большому-то счёту, и ловить смысла не было, только что машину свою забрать.

– Не скажи, – хмыкает Злобин. – Тут дело чести. Престиж затронут. Ладно, парень. Если понадобится, знаешь, как меня найти. И я знаю где тебя искать, если что. Всё, бывай.

Пожав мне руку он уходит, а я возвращаюсь к себе в номер. Лидка, наверное, уже спит. Ну, пусть. Умаялась бедная. Я забираюсь в душ. Горячая вода жёсткими струями смывает напряжение прошедшего дня. Хорошо, что всё хорошо кончается...

Я намыливаюсь и долго стою в клубах пара под обжига-

ющим потоком воды. Напряжение отступает. Если никто не разбудит, буду спать до обеда. Или даже до самого самолёта.

Вдруг мои размышления прерывает посторонний звук. Я прислушиваюсь. Кто-то стучит. Да кончится это когда-нибудь или нет! Жду. Может, уйдут? Нет, настойчиво долбят. Блин! Выключаю воду, беру полотенце и пытаюсь замотаться. Короткое... Иду, придерживая его на поясе. Весь мокрый, на паркете остаются тёмные следы.

Чуть приоткрываю дверь, оставляя узкую щёлку, и вижу Лиду. На ней домашний халат.

– Спишь, что ли? – спрашивает она и толкает дверь. – Пусти, я же тут в халате... Ой... я тебя из душа вытащила?

– Ага, – я отступаю, запуская её внутрь и машу мокрой головой.

– Эй! – смеётся она. – Не брызгайся! Ты прям, как щенок!

– Это я-то щенок?! – возмущённо восклицаю я. – Да я лев, вообще-то.

– Вообще-то, ты... – она замолкает и пару секунд раздумывает. – Да, вообще-то, ты настоящий лев, и я таких ещё не встречала. Жалко только, что ты на мне никогда не женишься.

Я не успеваю ответить, потому что она делает шаг ко мне и толкает обеими руками в грудь. От неожиданности я не успеваю среагировать и лечу прямо на кровать. Полотенце падает на пол, а я мокрый и совершенно беззащитный, оказываюсь в мягкой постели. Она, не колеблясь ни секунды дёргает

поясок своего короткого шёлкового халатика и, сбросив его, устремляется ко мне.

Утром я просыпаюсь раньше Лиды. Её чёрные волосы размётаны по подушке, а лицо такое невинное, как у младенца. Кто бы знал, что вытворял этот «младенец» прошедшей ночью. Я оставляю её досматривать самые сладкие утренние сны, а сам бегу вниз в переговорный пункт.

Первым делом звоню на работу маме и докладываю, что у меня всё хорошо и сегодня вечером я вылетаю обратно. Она сердится, что я не позвонил вчера и радуется, что со мной всё в порядке. Гад я, конечно, мог бы вчера выбрать момент и сделать звонок.

Понятно, что сейчас не та эра, не эпоха мобильных, когда начинаешь сходить с ума, если у ребёнка пятнадцать минут подряд выключен телефон. Это я по себе знаю. Но, тем не менее, другой город, как бы незнакомый и всё такое прочее. Ну, прости мам, прости.

Потом я звоню Новицкой. Дома её, разумеется, нет и я звоню ей на работу. Секретарь не желает меня с ней соединить, и я ору на неё так, что гостиница ходит ходуном. Это оказывает действие и в трубке раздаётся взволнованный голос:

– Егор! Всё хорошо?

– Конечно хорошо, просто отлично. Не стала, смотрю, дома отсиживаться?

– Знаешь же, что не осталась бы. У нас тут новости, между прочим.

– Сняли уже что ли? – спрашиваю я.

– Да. По городу ходят совершенно невероятные слухи про дерзкого юнца и красавицу-ментовку. И знаешь, что меня во всём этом больше всего заботит?

– Даже не сомневаюсь, – смеюсь я. – Моя безопасность, моя самоотверженность, моя способность решать неразрешимые проблемы?

– Нет, – отвечает Новицкая без тени улыбки. – Красавица-ментовка.

Кто бы сомневался.

– По сравнению с тобой, – говорю я, – все страшненькие.

– Ну-ну, это ты сейчас такой весёлый. Посмотрим, что ты под пытками скажешь. Да?

– Будут пытки? – с притворным ужасом спрашиваю я.

– Естественно будут, не зря же я только о них и думаю целый день. Когда ты прилетаешь?

– Завтра утром.

– Сразу ко мне. Понял?

– Ириш, мне надо родителям показаться. Потом к Куренкову на доклад. Ты же не хочешь, чтобы он меня с ордером из твоей квартиры вытаскивал?

– Нет, этого точно не хочу.

– Так что, думаю, ближе к обеду нарисуюсь. Ты только скажи своей гримзе-церберше, чтобы она мне препятствий

лишних не чинила. Не хотела меня с тобой соединять сейчас. Занята, говорит, и точка.

– Хорошо, я поговорю с ней. Скажу, что ты для меня выполняешь специальные поручения. Мой приватный посыльный. Ладно, всё. В общем жду тебя. Завтра с докладом прямо ко мне.

– Ириш. Целую.

– Так, вот эти пошлости и вольности прекратить. Ясно?

– Ясно. Вот ещё что, забыл сказать. Валю Куренкову одобряй на первого секретаря райкома.

И не дожидаясь бури эмоций, я вешаю телефонную трубку.

– Ты где был? – спрашивает Лида, когда я возвращаюсь в номер.

– Маме ходил звонить. Вчера-то некогда было, а она волнуется.

Я наклоняюсь и чмокаю её в висок.

– Сказать по правде, Лидия, ты так прекрасна, что я с удовольствием задержался бы ещё на несколько дней в этой роскошной гостинице. Как же ты хороша, просто настоящее чудо!

Вижу, ей приятно. Она смущённо улыбается.

– Но сейчас, ничего не поделаешь, тебе придётся встать, умыться и отправиться со мной на завтрак. То, что упустим здесь, наверстаем у тебя дома, но Москву надо любить сей-

час, пока не улетели. Вставай засоня!

Любить Москву мы идём напрямиком в ГУМ. Там мы покупаем Лиде целых три чешских бюстгальтера. Я сразу вспоминаю о Лене Ивановой, но не буду же я ей покупать бюзик при Лидке. Берём шикарное демисезонное пальто. Франция! А ещё брючный костюм тёмно-красного цвета. И колготки. Шесть пар.

Ещё я покупаю подарки маме и не только маме, но говорю, что всё ей. Лидка крутится вокруг цветастой юбки. Приходится купить и её. Потом мы возвращаемся в гостиницу и начинаем всё примерять и, что вполне понятно, надолго остаёмся в номере, распугивая горничных нескромными звуками.

А потом отдышавшись и отдохнув немного, мы идём гулять, напевая: «А я иду, шагаю по Москве». Мы бродим по лучшему городу в мире и я наслаждаюсь его видом, неомрачённым переменами будущего.

Когда мы возвращаемся, нам передают записку, в которой говорится, что за нами приедет машина. Я немного напрягаюсь, но приезжает не бригада из МВД, а тот же молчаливый и угрюмый парень, что встречал нас, когда мы прилетели. Поэтому мы прыгаем на заднее сиденье и мчимся в аэропорт.

Самолёт приземляется ранним утром. Нас встречает сонная темнота и небольшой туман. Ночной морозец хватает за

уши и настраивает на родную волну.

Здесь нас никто не ждёт, и даже такси не оказывается. Поэтому долго дожидаемся «сто первый», а потом ещё дольше трясёмся в его холодном, воняющем дизелем, «Икарусном» нутре. Но нас это не смущает, поскольку это же дом. Милый дом, куда всегда приятно возвращаться.

Когда я заявляюсь домой, уже начинает светать. Заспанные родители выходят меня встречать и я бодро рапортую о результатах комсомольского слёта. Мама идёт на кухню готовить завтрак, а я достаю подарки. Шикарное платье, конечно же колготки и пару элегантных немецких туфель для папы. Размер у нас одинаковый, так что, надеюсь, придутся впору.

Можно было всё это купить и здесь через Платоныча, но что сравнится с чувством, когда ты получаешь подарок только что привезённый из столицы?

Позавтракав и поделившись впечатлениями о Москве, я собираюсь как бы в школу, но, на самом деле, к Куренкову. А потом в горком. Подарки для Ирины я оставляю дома. Принесу потом ей домой.

Я выхожу пораньше, чтобы не встречаться с Рыбкиной. Два дня меня не было, так что если не будет и на третий, она не удивится. А так придётся объяснять, почему я сегодня не иду в школу.

Около дома стоит скорая помощь, светло-серая «буханка» с красными крестами. Кому это у нас в доме скорую звали? Начинаю в уме перебирать возможных кандидатов из

нашего подъезда.

Санитары возятся с носилками, значит, кому-то действительно худо.

– Ребят, вы в какую квартиру? – спрашиваю я.

– А? – оборачивается ко мне санитар.

«Ну и рожа», – успеваю подумать и получаю мощный удар под дых.

Офигеть! Я складываюсь пополам и кто-то сзади толкает меня вперёд, прямо на носилки. Сильные руки санитаров подхватывают их и задвигают в машину. Они забираются внутрь и мы рвём с места под оптимистичный вой сирены.

Интересно, это кончится когда-нибудь или нет? Сколько можно... Машина летит по утреннему городу, а я лежу и бормочу под нос:

«Я по сусекам скребён, по амбару метён, в печку сажён, на окошке стужён!

Я от дедушки ушё и от бабушки ушёл!

Я от зайца ушёл, от волка ушёл, от медведя ушёл,

А от тебя, лиса, и подавно уйду!»

3. Восточная царица

Я лежу на носилках и смотрю в металлический потолок.

– Слышь, Чикуня, ну ты красавица в натуре, – ржёт один из санитаров. – Приколись, братан, я смотрю, бляха, рожа Чикуня, но это не х*я не Чикуня. Идёт такой в пенже, при гавриле, в натуре, донкихот. И эта аптекарша, вся из себя такая, да, Александр, нет, Александр. А я стою, как колхозник, парфоз, короче. Ну, думаю, ладно, а х*ле, чё, здравствуйте, говорю, Александр, вы наверное сегодня уху ели?

Все начинают дружно ржать.

– А-ха-ха, а она мне, – звучит другой голос, вероятно, принадлежащий этому самому Чикуне, – у вас все друзья такие вежливые. А я такой, ничего, говорю, они стесняются просто, а потом освоятся. Водка она всех уравнивает.

Все опять гогочут.

– Ага, в натуре, она сама накидалась так, что её и уговаривать не надо было.

– Так вы чё, всемером её отодрали что ли?

– А, не говори, угар, в натуре. Прямо там её на столе разложили, все бухие в сиську уже, и как начали там. Ржач в натуре!

О времена, о нравы! Посмотрел бы я на Цицерона, если бы он услышал всё это. Хотя, честно говоря, у них там со нра-

вами тоже было не без проблем. Любопытно, что мои конвоиры вообще не обращают на меня внимания.

Я сажусь на носилках и только один из них скользит по мне взглядом, как по неодушевлённому предмету, как если бы приваленная к дверце лопата упала бы на крутом повороте. Кажется, для них я и есть предмет. Неживой. Уже неживой.

Я приподнимаюсь и выглядываю в окно. Похоже едем на другой берег. Да, мы уже на другом берегу. Проезжаем мимо барахолки. Кругом частные дома, покосившиеся лачуги с редким вкраплением монументального и краснокирпичного цыганского зодчества.

И вечный бой покой нам только снится. Как-то не задался у меня вход в этот чудный новый мир. Ни дня не было спокойного. Ну, или почти ни дня. Надо уже всё это стабилизировать поскорее. Надо.

Я смотрю на своих похитителей. Все мужики здоровые, голыми руками их не возьмёшь. Но пытаться будем, что нам остаётся. Судя по манере речи, это ни милиция и ни «контора». Медицинских работников тоже можем исключить. Остаётся попытаться догадаться, кто именно из уголовного многообразия так сильно желает встречи со мной, что даже не боится использовать явно угнанное авто.

– Пацаны, – говорит водитель, – только это, я ждать не могу, мне и так прилетит, что машину вовремя не вернул. Так что давайте или прям по-быстрому, или потом уж без

меня добирайтесь.

Потом. Что значит потом и что значит по-быстрому? Интересно, господа хорошие, что у вас за план в отношении моей персоны? И машина, значит, не угнанная, а позаимствованная... Я незаметно начинаю осматриваться, подыскивая хоть что-нибудь, что могло бы послужить каким-то подобием оружия.

Замечаю под лавкой черенок, вернее, кусок черенка от лопаты. Ну вот, можешь же, когда захочешь. Осторожно поднимаю глаза, чтобы удостовериться, что за мной никто не смотрит, и вижу, что это не так. Ближний ко мне "санитар" смотрит мне прямо в глаза и едва заметно качает головой. При этом он убирает в сторону полу куртки и показывает мне рукоять пистолета, заложенного за пояс.

Упс... Не похоже на тупых бандосов одноногого, да и Киргиза тоже. Кто ещё мог бы мной заинтересоваться? Паша Цвет? Он бы просто прислал машину, и я бы сел в неё и поехал. Зачем такие странности и сложности.

– Да не ссы, Костян, мы скоренько, – уверенно говорит один из санитаров. – Пикнуть не успеешь, как обратно поедем. Вон там за магазином, видишь? Там такой неприметный свёрток направо. Не пропусти. Ага-ага, давай, сюда, точняк. Щас направо и вон тот дом самый большой.

Что за хрень такая? Это что за дворец? Судя по размеру, дом цыганского барона. Сколько их у нас? Взвод наберётся наверное. Мы подъезжаем к воротам и мои санитар-

ные охранники, наконец вспоминают обо мне и буквально не спускают глаз.

– Погуди в дудку, – командует один из них, и водитель дважды жмёт на клаксон, вызывая резкие не очень приятные звуки.

Ворота открываются и за ними появляется мужичонка в чёрной фуфайке. Он машет, мол, заезжайте, ребята. Наша «буханка» въезжает во двор.

– Вон туда, бане, – командует санитар, сидящий на переднем сидении и показывает пальцем, куда именно.

Опять баня. Прямо культ бани, и кто теперь скажет что не Москва третий Рим? А вот четвёртому не бывать. У нас одни патриции живут.

Фургон подъезжает к бревенчатому строению. "Санитары" вытаскивают из-за поясов пистолеты и достаточно организованно и чётко выводят меня из «Уазика». Блин! Как бы даже и не дёрнуться. Положение так себе. Может, они конечно стрелять и не будут, но проверять не хочется.

– Ребят, а вы кто такие, а? – пытаюсь я разрядить обстановку, но они обращают на меня внимание исключительно, как на объект, который нужно доставить до цели. Ну, хотя бы, наверное, они не планируют лишить меня самого дорогого, моей жизни. Второй по счёту, между прочим.

В бане темно, поскольку маленькие окошки наглухо закрыты ставнями снаружи. Меня заводят внутрь, тщательно обыскивают и тут же закрывают за мной толстую деревян-

ную дверь. Я слышу как в проушины вставляется висячий замок. Чудесно.

Я замираю и зажмуриваюсь. Нужно привыкнуть к темноте. Постояв так некоторое время, я открываю глаза. По-прежнему темно, правда цвет у этой темноты уже не чёрный, а тёмно-серый. Тоненькие щёлочки ставней светятся. Чуть-чуть привыкнув, я выставляю перед собой руки и шагаю к стене.

Упершись в неё, начинаю шарить руками и двигаться в сторону входа. Ищу выключатель. Через некоторое время мне удаётся его нащупать. Ура! Терпенье, находчивость и выносливость – это залог любого успеха. Ну, да будет свет! Щёлкаю выключателем и... ничего. Ёлки. Хреново.

Щёлкаю ещё несколько раз с тем же эффектом и иду дальше. Как Том Сойер в лабиринте держусь правой стороны. Правая всегда права. Через минуту могу уже сносно ориентироваться и передвигаться.

Посмотрим, что здесь есть. Опаньки! Керосинка! Стоит на подоконнике. Ну надо же! Подарок судьбы. Было бы только чем разжечь. Я зажигалку с собой не ношу и спички тоже. Сколько раз уже говорил, что надо иметь под рукой такие простые вещи. Мда... Выживальщик из меня не самый лучший, признаю.

Шарю по подоконнику. И... нет, ну надо же, какая комфортная узница. Есть спички. Чирк и всё озаряется огнём. Аккуратно снимаю с лампы плафон и поджигаю фитиль. На-

деюсь, керосин в ней имеется. Плоский фитиль нехотя занимается маленьким синим пламенем. Я подкручиваю колёсики, увеличивая его длину, и пламя желтеет, делается более уверенным и сильным.

Живём! Устанавливаю плафон и наслаждаюсь светом. В принципе человеку не так много всего нужно, чтобы чувствовать себя живым и счастливым. Я как пещерный предок. Обзавёлся огнём, теперь надо действовать дальше. Осмотримся.

Запах керосинки переносит меня в детство. Дача, вечер, ливень и вырубленный во всём посёлке свет, чай из свежесборванных листьев чёрной смородины и малины, мутная зеленоватая жидкость с сумасшедшим ароматом, баранки, мёд и мягкий свет лампы. Родители живые и молодые, мы сидим за столом, шуршит приёмник на батарейках, дождь барабанит по крыше, отец шутит, что-то рассказывает и так хорошо на душе. Блин... даже глаза щиплет...

Почему я не там? Сколько у меня жизней? Что будет если сегодня меня грохнут? Я улечу куда-нибудь подальше? А может, вернусь в молодого себя? Или окажусь в вечной тьме? Или в вечном свете? Слишком много вопросов...

Я заглядываю в печь. Там сложены дрова, а рядом ведро с углём. Везёт тебе, Егорка. Даже не замёрзнешь. Разжигаю огонь и, зайдя в парную ложусь на полок. Здесь холодно, но ничего, сейчас протопим, и станет тепло. Станет хорошо. Вечно молодой, вечно пьяный, всплывают слова песни.

Надо уже попрактиковаться играть на гитаре. Такой инструмент простаивает, а я фигнёй страдаю, мечусь между огнём и полыньёй. Становится теплее, глаза смыкаются и я оказываюсь на мягком пушистом облаке, проваливаюсь в его мягкие завитки и засыпаю.

– Нет, вы только гляньте на него! – слышу я далёкий голос, красивый и звонкий, как хрустальный колокольчик, как горный ручеёк и что там ещё...

Открываю глаза. К сожалению, я всё ещё в бане. Здесь тепло и даже жарко, но жёстко, в смысле, полок твёрдый. Сажусь и тру глаза. Неплохо так я вырубился. Надо же, под потолком горит лампа. Наверное, они рубильник где-то включили.

– Ты вообще ничего не боишься? – слышу я. – У тебя правда мозги отшиблены?

Кто это говорит таким прелестным и сладким голосом? Я поднимаю голову. Девка. Охренеть! Это она меня украла? Надеюсь, для того чтобы сделать сексуальным рабом. Откуда здесь китаянка? Нет... Она казашка или... Меня пронзает догадка.

– Ты кто? Киргизка?

– Нет, вы посмотрите! – повторяет она.

Блин! Да она натурально красотка! Чёрные блестящие смоляные волосы, широкие скулы, тонкий прямой нос, горящие глаза и жёсткие губы. Наверняка твёрдые наощупь. Говорят, по губам можно понять, какая у девушки... ну... вра-

нѐ, мне ни разу не удавалось.

Она стоит передо мной, как царица, или как там у них называются верховные существа, и я не могу оторвать от неё глаз. На ней шёлковый платок, которому позавидовал бы «Эрмес», шубка до колен, уж не соболя ли, и чёрные кожаные сапожки на каблучке.

Она такая тонкая и изящная, как балерина на музыкальной шкатулке, или манекенщица из парижского журнала мод. В общем, охренеть. Я ожидал увидеть уродливого одноногого Сильвера или колченогого Киргиза, а тут такое явление. Восточная красавица.

Впрочем, одноногий, думаю, ещё нескоро сможет проводить подобные операции. Если вообще когда-нибудь поправится.

– Ну, и чего же ты от меня хочешь, дочь советской Киргизии? – спрашиваю я.

– Крови твоей хочу, – насмешливо отвечает она.

Вокруг неё стоят давешние "санитары" и глумливо гыкают, будто до сих пор обсуждают незадачливую аптекаршу.

– Да ты дикое животное, как я посмотрю, – хмыкаю я.

– А ну, – восклицает она и сбрасывает шубу.

Один из "санитаров" в последний момент успевает её подхватить. Она остаётся в максимально коротенькой тёмно-синей юбочке и белой матроске с синим воротником, не знаю, как он называется. Как японская школьница из комиксов. Охренеть.

– Девочка, тебе сколько лет? – спрашиваю я, стараясь казаться надменным и незаинтересованным.

Боюсь, это получается не слишком хорошо. Она усмехается.

– Пойдём-ка выйдем во двор. Посмотрим, так ли ты хорош, как о тебе говорят.

– Чего? – нет, я, конечно, знаю, что нельзя недооценивать врага, но это действительно кажется смешным.

– Ну ладно, – пожимаю я плечами. – Чего только не сделаешь ради неземной красоты.

Она презрительно кривит губы и я невольно засматриваюсь на них. Определённо, они достойны большего, чем пренебрежительная усмешка. Мы выходим из бани.

– Жалко, – говорит она, – нельзя бить тебя, пока ты не сдохнешь.

– Почему? – удивляюсь я.

– Потому что, кое-кто желает с тобой поговорить.

– Нет, почему ты хочешь этого? – уточняю я.

– Не понимаешь? – вздёргивает она брови. – Я сестра Киргиза.

– Ну, – улыбаюсь я, – глядя на тебя, трудно предположить, что твой брат не киргиз. Если только сводный.

– Двоюродный, – поясняет она. – И он считает, что тебя надо раздавить, как таракана. Ну, а раз он так считает, я делаю это. Хочу растоптать тебя, маленький никчёмный таракан.

Сказав это, она срывается с места и будто взлетает. Я такое видел только в дурацких китайских боевиках. Она словно переступает ногами по воздуху, нанося удар за ударом. Ай да киргизская принцесса.

Я едва успеваю выставлять блоки. Охренеть. Охренеть.

Она делает паузу и я пользуюсь короткой передышкой, чтобы сбросить на снег куртку. Сестра Киргиза подпрыгивает и, совершив замысловатый поворот в воздухе, наносит мне удар в грудь. Во даёт девка.

Удар несильный, потому что я успеваю отреагировать, отбивая её ногу. Но я сразу вспоминаю «Килл Билл». Хорошо, что у неё нет меча Ханзо, не то покатилась бы моя буйна головушка по заснеженному двору чужого дома.

Мы ещё некоторое время разминаемся подобным образом. Причём, я исключительно обороняюсь, а она – нападает. Ей удаётся нанести парочку довольно болезненных ударов, но, в основном, я выхожу сухим из воды.

– А ты неплох, – наконец, говорит она. – Вернее, не настолько плох, как я думала. Но, всё равно, ты жалкое насекомое.

– Не слишком лестная оценка, – улыбаюсь я. – Но, что любопытно, оценивая друг друга, мы придерживаемся противоположных точек зрения. Я, например, не считаю тебя жалким насекомым. Более того, твои умения меня просто поражают. Молодец. И как же тебя зовут? Назови своё имя.

– Насекомым не нужно знать, как меня зовут, – вскиды-

вает она голову.

– Айгуль! – раздаётся окрик со стороны дома и все поворачиваются на голос.

Надо же, в пылу боя я даже не заметил, что во двор въехала белая «Волга».

– Айгуль, я же запретил! – голос звучит недовольно.

В человеке, говорящем это, я узнаю Пашу Цвета. Он вальяжной и неспешной походкой направляется к нам.

– Айгуль, значит, – повторяю я её имя. – А я Егор.

Она пренебрежительно фыркает.

– Сколько тебе лет? – спрашиваю я.

Не то, чтобы меня так уж волновала разница в возрасте, просто не могу понять, сколько ей. Она стоит, не глядя на меня, и следит взглядом за приближающимся Цветом. А я не смотрю на Цвета и не отрываясь слежу за Айгуль.

– Спорим, – говорю я ей, – что ты будешь моей?

Она игнорирует мои слова и обращается к подошедшему Цвету.

– Живой он, – недовольно восклицает она, – всё, как ты сказал. Было очень трудно сдерживаться, но я, как видишь, его не убила и даже не покалечила. Так что можешь забирать этого таракана себе.

Он не отвечает и подходит ко мне.

– Здорово, Егор Брагин, – говорит он. – Пошли, разговор есть.

– Здорово, – отвечаю я и наклоняюсь за своей курткой.

Мы идём в дом и там, в некрасивой и аляповато убранной комнате, садимся за голый стол.

– Я смотрю, – начинает он и достаёт из кармана сигарету, – ты ни на шутку развернулся.

Он делает всё медленно и основательно. Наверное, посвятил тренировкам по выработке этого навыка немало часов. Возможно, там, где времени у человека бывает хоть отбавляй.

– В смысле? – пожимаю я плечами. – О чём ты?

Вряд ли он имеет в виду мои московские дела, да и вообще, всю эту милицейско-"конторскую" чехарду.

– Что в смысле, я говорю неплохо ты работу поставил на тотализаторе.

– А-а, – киваю я. – Так это не я, Каха с Рыжим.

– Ну-ну, – усмехается Цвет. – Особенно Рыжий, это точно. Гений предпринимательской деятельности. Рыжий орёт, что это ты их сдал и ментовку им подвёл, чтобы их спалить. Правильно говорит?

– Ну... – начинаю я, лихорадочно соображая, какую версию ему выдать.

– А ещё, – продолжает он, – Киргиз твердит, что ты ему подбросил волыну и бабки подрезал.

– Какую волыну? Я слышал, это его собственный ствол.

– Его, но он должен был находиться совершенно в другом месте. Из него, кстати, должны были в случае крайней необходимости шмальнуть по тебе.

– Первый раз об этом слышу, – пожимаю я плечами.

– В общем, слишком много людей произносят твоё имя, Бро, – заявляет Цвет, глядя мне прямо в глаза. И мне чёт это совсем не нравится.

Взгляд у него тот ещё. Как у змеи, холодный, пронизывающий и совершенно недоверчивый. И он практически не мигает.

– Посмотри сам, Паша, – спокойно говорю я. – Ведь я человека не трогал, правда? Жил себе спокойно, в школе учился. А он что? Украл мою собаку. Думаешь, может быть он мне мстил за что-то? Нет, просто собака понравилась. Собаку вернули, но он никак успокоиться не мог. Хотел с моей девушкой сделать разные гадкие штуки. Его бригаде дали по ушам, а самого арестовали. Так он и там не уймётся. Это что за одержимость мной? Теперь сестра какая-то появилась. Хочет меня, как таракана растоптать.

– Ладно, про Киргиза потом как-нибудь. Мы здесь, вообще, по другому поводу. Если бы дело было в нём, мы бы с тобой сейчас не сидели один на один и бесед не вели. К Киргизу, может быть, мы когда-нибудь ещё вернёмся, но, думаю, нескоро.

– Ну, а тогда, – удивляюсь я, – зачем мы здесь? Ради чего все эти похищения и заточения в бане. У меня и другие дела имеются, если что.

– Похищение... – это Айгуль развлекалась. – Это к делу не имеет никакого отношения. Ты здесь потому, что я хочу,

чтобы ты поработал на меня. Погоди, ничего не отвечай пока. Посиди молча, дай мысли проясниться.

– Я? – спрашиваю я. – Поработал на тебя?

– Да, именно, – кивает он. – Как тебе идея?

4. Как раскладывать пасьянсы

– Смотря что нужно делать, – задумчиво говорю я. – Я ведь не ко всему пригоден и не везде эффективен. Консильери, возможно, со временем из меня мог бы получиться, но тебе, наверное нужно что-то более узко-специальное.

Он смотрит усталыми, чуть покрасневшими глазами. Брови насуплены, тяжёлая челюсть не брита.

– На роль моего консильери, – проявляет он завидную осведомлённость в терминологии, – зелёные выскочки вроде тебя не подходят. И нужен мне конкретно человек вместо Кахи. Ты знаешь, как там всё устроено, сам его обучал и говорил, что нужно делать. Ну и всё, продолжишь работать вместо него. Будешь мне отдавать пятнадцать процентов.

Я задумываюсь. Вернее, делаю вид, что задумываюсь, поскольку и сам рассчитывал на это и уже даже получил предварительное добро от Куренкова.

– И, чтобы ты соображал быстрее, – добавляет Цвет, откидываясь на спинке стула. – Это никакая не просьба. Ясно?

– Так-то ясно, но...

– Какое ещё «но»? – кривится он и недовольно бросает вглубь дома. – Марта, чай будет или нет?

– Таких «но» несколько. Во-первых, пятнадцать процентов похоронят бизнес. Каха драл с игроков тридцать процен-

тов в пользу конторы, а это уже много. Из этих тридцати десять отдавал тебе, десять Алику и десять оставлял себе. Но там ещё и менты нарисовались. Кахе бабок не хватало и он начал грабить своих же клиентов. Закончилось плохо. Ты же хочешь с меня пятнашку. Олимпиада всё, интерес у людей утих, ставки будут маленькими, игроков станет меньше. Поэтому, если возможно, хотелось бы поменять подход. Контора берёт тридцать процентов от банка. Логичнее было бы начислять налоги уже на эту сумму. Скажем, четверть от прибыли конторы.

Цвет не перебивает и слушает угрюмо глядя исподлобья.

– Но для успеха и этого недостаточно. Нужно открыть подобные точки в других крупных городах. В том же Новосибире, например, или в Ёбурге...

– Где-где?

– В Свердловске то есть. Ну, его раньше Екатеринбургом же называли, вот и сокращение...

– Давай-давай, дальше излагай.

– В том же Новосибире или Свердловске, я думаю, выручки побольше будет, чем у нас. Короче, нужна экспансия. А там, глядишь, и Москва с Питером подтянутся или Сочи, наш родной отечественный Лас-Вегас.

– Ну-ну, – кивает Цвет. – Красиво поёшь. Только, чтобы всё это осуществить, знаешь сколько крови...

Он не договаривает и замолкает, а я продолжаю.

– Задача непростая, но и ты человек непростой. Если не

ты, то кто же, как говорится. Но это не всё. Есть ещё одно «но». Всё равно это не так много бабла, как могло бы быть. Я прошу прощения, говорю со всем уважением и не оставляю ничего недосказанным. Напрямую, открыто и без недомолвок. А ты, делаешь то, что делаешь из-за романтических соображений или из корыстных?

Он грозно сверкает взглядом.

– Ладно, неважно, понимаю, тебе нужно соблюдать меру и баланс, но и деньги лишними не будут, правильно? Так вот, если мы хотим хороших денег, надо помимо тотализаторов открывать казино. Знаю, их немало по Союзу. Но надо реально прям, как в Вегасе. Чтобы было цивильно и безопасно, чтобы приходили большие дяди и тётки, артисты, спортсмены и функционеры. Привлекать тех, кто влияет на общественное мнение и так далее. Надо, чтобы те, у кого водятся деньжата, приносили их туда и оставляли. Без криминала, без напряжения, спокойно, добровольно и с удовольствием.

Цвет буравит меня тяжёлым взглядом.

– В общем, – подвожу я итог, – идей много, нужны ресурсы, и тогда можно такие дела мутить, что и перед Петей первым не стыдно будет. И, кстати, если открывать казино, то можно вкладывать бабки с тотализаторов. Если хочешь, я примерно могу расписать.

– Ладно, – говорит Цвет после длинной паузы, – тридцать процентов от прибыли конторы.

Я молчу. А по остальным вопросам что? Заглотил нажив-

ку или нет? Посмотрим. В любом случае, давить не будем, посмотрим, как пойдёт. Вообще, хорошо, что он сам на меня вышел. Всё очень славно получилось, за исключением Айгуль.

Немного не могу понять, как быть с ней.

– По рукам, – киваю я со вздохом.

– Это не договор, – отвечает он недовольно. – Не понимаешь? Мы с тобой не сделку заключаем, ты не владелец тогализатора. Он мой. И ты мой, врубаешься? Я даю тебе работу, а ты её выполняешь. Единственное на что ты можешь рассчитывать – это на свои проценты. А ещё на то, что твои косяки я убираю в долгий ящик. Навсегда или нет, от тебя будет зависеть.

– Да не вопрос, понимаю.

Главное, что ты не до конца понимаешь, что я понимаю.

– Ну и всё тогда. Приступай к работе.

– А Айгуль? – спрашиваю я.

– Что с ней?

– Ну, я этим и интересуюсь. Что с ней? Она меня похитила, ну и всё такое. Зачем? И что она хочет?

– Боишься её? – усмехается Цвет. – Это правильно. Она девка ураган.

Да-да, девка уркаган.

– Я так понял, у неё ко мне претензии.

– Считай, что больше претензий нет. Не переживай, она скоро уедет. Дела сделает и всё. Так что живи спокойно. А

то что похитила... Ну, ты ж не пострадал, о чём вообще ба-
зарить тогда. Всё, бывай.

– А она меня отвезёт обратно?

– Чего? – Цвет начинает смеяться. – Ну, ты сам у неё спроси об этом.

– А Киргиз где сейчас? – спрашиваю я.

Цвет ничего не отвечает, только плечами пожимает, глядя на меня в упор. Ну ладно. Сам узнаю. Выхожу во двор. Как добираться теперь? Нахрена вечно выбирать какую-то тьмутаракань для своих резиденций? Вот она... Айгуль всё ещё во дворе. Шуба снова на ней. Она даёт команды своим «санитарам», отработывающим удары.

– Айгуль, – говорю я подходя ближе. – Когда обратно поедем?

– Чего? – она изгибает бровь и смотрит на меня действительно, как на насекомое.

– Ты ж меня привезла, теперь вези обратно.

– А ты что, баба? Женщина мужчину не возит.

– Почему же, бывает по-разному. Тебе сколько лет?

– Тебе это знать не положено, – отвечает она и отворачивается к своим бойцам.

– Речь у тебя чистая, молодец. Надо было бы тебя маме показать, как пример торжества русского языка. Ей бы понравилось.

– Слушай, – снова поворачивается она. – Ты чего нарываешься? Хочешь, чтобы я довела начатое до конца?

– А ты же неместная, да? – отвечаю я вопросом. – Откуда приехала?

– Из Алма-Аты, – говорит она качая головой. – А ты из тех, кому проще дать, чем отделаться, да?

– Неплохой вариант, – усмехаюсь я. – Ты сама предложила.

– Чикуня! – внезапно повышает она голос.

Чикуня, умеющий, как выяснилось сегодня утром, изображать из себя настоящего джентльмена, мгновенно подлетает к нам. Роба у него совершенно бандитская, не обезображенная интеллектом. Он довольно крупный бычок с крепкой шеей. Тот самый, что ткнул мне под дых. Больше такое не проконает. Можешь не рассчитывать.

– Вот этого, – Айгуль презрительно морщится, – вышвырни за ворота.

Вот же обломщица.

– Давай, – тут же рычит Чикуня и хватает меня за локоть.

– Слышь, – совершенно стандартно и максимально доступно для понимания говорю я. – Руку убери. Под ручку с аптекаршей ходить будешь. Да-нет-Александр.

Должно быть эта фраза каким-то образом ранит его самолюбие. Его дружки, услышав это, начинают ржать. А сам он, вместо того, чтобы выполнить мою просьбу, хватает меня за рукав и тянет на выход.

– Ты чё там твякнул гандон? – грозно и громогласно вопрошает он. – Я тебя урою прямо здесь!

Неприятный тип. Никакой симпатии не вызывает. Да они все здесь, как на подбор. Дегенераты, одно слово. И такая меня злость берёт, что мне почему-то очень хочется заставить его извиниться. Видно, кстати, что они неместные. Иначе как-то держатся, и в выговоре есть что-то неуловимое, чужое.

Стрелять они не будут, да и месить меня всей толпой вряд ли станут. Я же типа человек Цвета теперь. Так что...

– Извинись, пожалуйста, – спокойно говорю я.

Но он вместо того, чтобы признать свою неправоту, усугубляет положение.

– Ты, гандон штопанный, я тебя сейчас на части порву.

Такой может, если ему позволить, но позволять я ему больше ничего не собираюсь. Я расстёгиваю куртку и резко выкручиваюсь, выдёргивая руку и оставляя в руке Чикуну пустой рукав. Выскальзывая из одежды я оказываюсь у него за спиной и не могу отказать себе в удовольствии, чтобы ни дать пендаля. Как Никола Питерский в «Джентльменах удачи»:

– Деточка, а вам не кажется, что ваше место возле парашаши?

И бац ему по заду, причём так, что он летит вперёд и падает на утопанный снег. И прежде, чем он успевает подняться, я оказываюсь у него на спине и хватаю его голову за подбородок и затылок, готовясь крутануть и остановить все проявления жизни в этом бестолковом существе. Кажется, он

понимает, что это не шутка.

– Достаточно просто попросить прощения, – миролюбиво говорю я.

Он проверяет мою решимость, напрягая мышцы своих накаченных рук. Однако по тому, как его голова сжимается в моих руках, он делает вывод, причём совершенно правильный. Разумеется, лишать жизни я его не собираюсь, но он-то этого не знает.

– Извини, – бормочет Чикуня.

– Нет, так не пойдёт, – качаю я головой. – Оскорбление нанесено громогласно. Давай-ка и извиняйся так же.

Я вынуждаю его извиниться в голос, под улюлюканье и насмешки его соратников, сам же смотрю в это время на Айгуль. Она стоит неподвижно, крепко сжав зубы, и наблюдает за происходящим. Отпустив Чикуню, я поднимаю свою олимпийскую куртку и ни на кого не глядя, иду к воротам.

Я конечно понимаю, что не нужно было этого делать, что всё это чистой воды мальчишество, но захотелось утереть нос этим уродам. Ну и перед барышней хвост распушить. Не без этого. Как теперь выбираться отсюда?

Иду вдоль дороги и машу рукой всем попуткам, включая грузовики и автобусы, но охотников на мой трояк не находится. Так и шагаю до самой остановки, а это почти сорок минут. Потом долго жду автобуса и ещё дольше еду до центра. И только тогда отправляюсь к Куренкову.

Он меня уже ждёт. Вернее, ждал, а теперь его нет на ме-

сте и ждать приходится мне самому. Надо отметить, день сегодня не самый удачный. Хотя... Хотя, как посмотреть. В принципе, с Цветом всё отлично получилось. Я сижу в коридоре и размышляю. Проходит, наверное, не меньше часа, прежде чем меня окликают Куренков.

– Брагин! А я уж думал тебя перевербовали. Ты куда пропал? Спал что ли до обеда?

– Роман Александрович, здравствуйте. Что вы такое говорите, я ведь вообще не сплю, постоянно чем-то занимаюсь.

– Да уж, лучше бы спал, – смеётся он, – а то от твоих занятий тревожно как-то на душе.

– Да бросьте вы, чего тревожиться? Всё же хорошо. Сегодня вот начал вербовку Паши Цвета.

– Ой, Брагин, – машет он на меня рукой. – Молчи, ничего не говори. Слышать этого не желаю.

Мы заходим к нему в кабинет, и я подробно, во всех подробностях, кроме интимных, рассказываю обо всех московских делах и событиях. Не обхожу вниманием и меню в столовой ЦК.

– Да, Егор, – качает он головой. – Ты даже в ЦК пробрался. Может ты шпион? Может тебе на самом деле лет сорок, просто буржуи тебя законсервировали в ходе какого-то иезуитского эксперимента, а?

– Может и так, – смеюсь я, – но я же не могу этого рассказать, иначе вы меня расстреляете. Только на самом деле, мне уже пятьдесят.

– Вот я и думаю, что-то с тобой не так.

– Со мной-то всё так, а вот что с Артюшкиным?

– А ему кроме Кахи ничего и не надо было, так что его жизненная программа выполнена. Он сегодня сам рапорт подал. Вроде ему место во вневедомственной охране предложили, но точно не знаю. Не уверен, что после всех этих дел его туда возьмут.

– Понятно, – киваю я. – Думал, навестить его, но не знаю.

– Я тут тебе не советчик, решай сам.

– Ну да, ну да. А что с Лидой?

– В смысле? – пожимает плечами Куренков.

– Она к вам приходила?

– Приходила.

– Ну и?

– Чего «ну и»?

– Блин, Роман Александрович. Чего решили-то по ней?

Берёте её к себе?

– Беру. А ты чего так волнуешься? Тебе-то что? Ты мне лучше про Цвета расскажи.

– А что про Цвета? – отвечаю я копируя интонацию Куренкова.

Он просекает и грозит пальцем.

– Рассказывай, а то сыворотку правды вколю.

– Он мне предложил... Ой, нет, не предложил. Он сказал, что теперь я его человек и буду продолжать дело Кахи, то есть руководить тотализатором.

– Серьёзно?

– Абсолютно.

– Хм... А ты вроде этого и хотел, насколько я помню.

– Хотел, конечно. И пообещал вам, что с блатными сам улажу, и с устранением Кахи.

– Опасный, – качает он головой, – опасный ты человек.

Не понимаю только, зачем тебе этот вонючий тотализатор?

– А вам-то самому от него чего надо было? Денег там сейчас немного будет.

– Да, – соглашается он, денег немного.

– С другой стороны, много или немного, но будут, – уверенно заявляю я. – Хотя, деньги в этом деле для меня не самое главное.

– Интересно. Поделишься?

– Могу, – соглашаюсь я. – Тут секрет небольшой. Кто туда ходит? Те, у кого много бабла. А кто они?

– Ну мне-то эти люди понятно почему интересны, – кивает он. – А тебе?

– Роман Александрович, вы с Кахи сколько процентов хотели? – в лоб спрашиваю я.

– Ты чего? – он аж на месте подпрыгивает.

– У вас тут что, небезопасно? Вы чего в лице переменились? Говорить можно?

– Можно, – помолчав отвечает он со злостью в голосе.

– Так сколько, десять? Ну вот смотрите. Цвет хотел пятнадцать, Алик берёт десять и вам десять. Итого тридцать пять.

И это уже больше, чем зарабатывает контора. Красота, да? Но теперь всё меняется. Цвет получает тридцать, Алик десять, вы тридцать и я тридцать. Только не от банка, а от прибыли конторы. По-моему, всё честно, но Алик может возражать. Так что, вы помогаете это дело уладить, либо я ограничиваю вашу долю.

– А ты приткый, я смотрю.

– Так спрашиваете, для чего мне это надо? Для построения финансовой империи. Почему я это вам выкладываю? Потому что мне без помощи не обойтись. А вам не обойтись без меня. Потому что я стопроцентно раскручу Цвета на организацию казино. И не одного, а нескольких. Вы скоро получите полковника, правильно? А потом что? У вас в «конторе» не так быстро звания раздают. Вы же не Калугин, которому в сорок лет генерала дали.

– Откуда такая осведомлённость? – щурится он.

– Ай, – машу я рукой, – а тут деньги. А где деньги, там и могущество, правильно? Покажем, как правильно сращивать криминал и власть?

– Пока, – говорит Куренков, – твои слова очень похожи на бред сумасшедшего.

– Ничего, лишь бы зарабатывать хорошо получалось, – усмехаюсь я. – Отдайте мне Лиду.

– Чего? – в который раз спрашивает он.

– Молодая привлекательная особа, во-первых, будет привлекать посетителей, и они станут охотнее нести деньги. Во-

вторых, она сможет собирать материалы на большое количество интересных особ. Станет реальной персоной, которой доверяют. Ну и, соответственно, сможет вербовать, кого вам надо будет. Посмотрите, лучше неё кандидатуры не найти. Потом её и на казино кинем. На сеть казино! Сеть, Карл!

– Что за Карл? Твой куратор?

– Присказка такая. Но мой куратор это вы, Роман Александрович. Моя надежда, опора и крыша. А я ваш шанс на прекрасное будущее.

– Я что-то не пойму, ты меня сейчас вербуешь что ли?

– Да бросьте вы. Меня, между прочим, Злобин уговаривал в школу КГБ поступать. Так что, может мы ещё и братьями по оружию станем. Когда-нибудь. В общем думайте. Но не забывайте, это только начало. Мы с вами таких дел наворотим, что ого-го. Нам ещё Россию предстоит спасти.

– Так, хватит!

– Ладно, пошёл я вашу кровиночку первым секретарём делать.

– Брагин! – прикрикивает он. – Сильно высоко-то не взлетай, крылышки опалишь. Понимаешь, о чём я говорю?

– Конечно, понимаю, – улыбаюсь я. – Я вообще вас понимаю с полуслова. У нас прям отличный с вами тандем получается. Слаженная команда. Подпишите пропуск, пожалуйста.

Думаю, он согласится. Возможно, не стоило быть таким откровенным, но, в любом случае, он мне нужен. Ну и мою

энергию он тоже чувствует. Операцию мы с ним крутую провели. Двух шишек скпнули и сами целыми остались, да и расклады все такие хорошие, прям тьфу-тьфу-тьфу. Конечно, нужно на него какой-то компромат подсобрать. То что он будет брать бабки с тотализатора хорошо, но надо что-нибудь посерьёзнее.

Раздумывая над своими пасьянсами я за пять минут добегаю до горкома. Это вам не Москва, здесь всё рядом – КГБ, партия, комсомол. Суровая секретарша Новицкой, увидев меня поджимает губы:

– Её нет.

Так и хочется спросить: «А если найду?»

– Когда будет? – как можно деликатнее уточняю я.

– Не знаю, она мне не докладывает, – недовольно заявляет гримза.

– Естественно, – киваю я, подразумевая, что я бы тоже не докладывал такой, как она. – Делать нечего, буду ждать.

Я усаживаюсь на стул, всем своим видом показывая, что буду сидеть до победного.

– Нечего здесь рассиживать, – говорит секретарша безапелляционным тоном.

– Почему? – спрашиваю я со всей кротостью, хотя в груди начинает шевелиться недовольство.

– Потому что вам приказано срочно явиться к первому секретарю горкома КПСС.

– Мне? – удивляюсь я, полагая, что она что-то напутала

или просто хочет меня сбагрить.

– Ну вы же Брагин, – поводит она плечом. – Вот и бегите скорее, не заставляйте себя ждать.

5. Время убивать, и время врачевать

Горком партии и горком комсомола находятся в одном здании, так что идти мне недалеко. Только я не совсем понимаю, какого хрена меня туда дёрнули? К первому секретарю? Блин. В принципе, думаю, я могу просто туда не ходить. И что мне сделают?

Ничего мне не сделают, но мне интересно. Любопытство многих погубило, это я понимаю, но ощущая себя более-менее в безопасности, решаю удовлетворить эту маленькую страстишку и шагаю к кабинету первого секретаря.

Подьяков Иван Сергеевич, Первый секретарь городского комитета КПСС, написано на двери. Ну ладно, уважаемый И.С., посмотрим, чего тебе надобно. Я тяну на себя дверь и захожу в просторную приёмную, на удивление совершенно пустую. Даже секретарши нет.

Хм... я на мгновение зависаю перед дверью в кабинет, а потом уверенно стучу и тут же открываю дверь.

Подьяков Иван Сергеевич
– Разрешите?

Не понял... Немая сцена. Я не ошибся случайно? За столом первого секретаря сидит Ефим Прохорович Захарьин, а

у длинного приставного стола – Ирина Викторовна Новицкая.

– А, – кивает товарищ Ефим, – заходи, Егор, гостем будешь.

Он удовлетворённо откидывается в кресле и так, как умели только персонажи Олега Табакова, улыбается. В этой улыбке торжество, восторг, превосходство и заискивание, всё вместе, одновременно, целая симфония эмоций и смыслов. Глаза горят, волосы топорщатся.

– Здравствуйте, товарищи, – с улыбкой произношу я и смотрю на Ирину.

Она тоже в хорошем настроении и тоже улыбается.

– Привет, – бросает она мне и показывает на стул напротив себя. – Долго же ты шёл.

– А где Иван Сергеевич? – называю я имя первого секретаря.

– Он, – отвечает Ирина, – уже не первый секретарь горкома. Он теперь второй секретарь обкома.

Ого! Вон оно что. Один ушёл и теперь пошёл сдвиг по всей цепи. Путь к вершине долог и непрост. Зато очень приятно оказываться там, куда стремился.

– Неужели?! – радостно восклицаю я. – Ефим Прохорович! Вот это событие! Я вас от души поздравляю. Но и не только вас, а весь наш замечательный город. Ведь теперь с таким руководством нас ждут тектонические сдвиги! Полагаю, концепцию социализма в отдельно взятой стране нужно

доработать до коммунизма в отдельно взятом городе.

– Спасибо, мой дорогой, – улыбка Ефима становится ещё шире и добрее. Твой небольшой вклад в этом деле тоже имеется.

Небольшой? Ах ты ж бюрократ неблагодарный. Если бы не я, ты ещё сто лет ждал бы подобной возможности и, вполне возможно, никогда её не дождался.

– Да что вы, какой там вклад, я к этому делу не примазываюсь. Это всё исключительно ваша заслуга. Да, честно говоря, если бы вы за меня словечко не замолвили, у меня бы в Москве ничего, наверное и не выгорело. Так что, это вам спасибо, за то что вы есть.

– Хороший парень, умный, – смеётся Табаков-Захарьин, – и хитрый!

Он театрально выделяет слово «хитрый» и раздражается кудахтающим смехом.

– Ну что, уважаемые товарищи, – заявляю я, – у меня тост родился. Я человек непьющий, так что скажу без спиртного. Поздравляю дорогого нашего Ефима Прохоровича и желаю ему продолжения стремительного карьерного взлёта. Будьте нашей звездой и светилом, не забывая, впрочем, отбрасывать на нас достаточное количество тепла и света. Поднимаю бокал за всех нас и с удовлетворением, как принято говорить в высших эшелонах, с удовлетворением хочу отметить, что счастлив находиться среди вас. Потому что мы что?

Они молчат, дожидаясь, пока я сам отвечу на вопрос.

– Потому что мы, – отвечаю я, – банда!

– У-у-у! – совсем не по-советски кричит Новицкая и я вспоминаю звуки, что она издавала в собственной спальне.

Надо это повторить в ближайшее время.

– Ну, а раз мы банда, – продолжаю я, – и находимся сейчас в состоянии эйфории, то воспользовавшись этим благоприятным стечением обстоятельств, хочу обратиться с просьбой.

– К кому? – хмурится товарищ Ефим.

– Ко всем, кого может касаться, – отвечаю я канцелярским штампом британского делопроизводства. – У меня после травмы амнезия. Память восстанавливается, но медленно. Дайте, пожалуйста, распоряжение в гороно, чтобы мне в аттестат оценки по текущим поставили.

– А справка про амнезию есть? – очень серьёзно спрашивает новый первый секретарь.

– Есть, конечно, официальная справка с печатью медучреждения и подписью врача.

– Принеси мне справку и я решу вопрос. Ещё личные просьбы имеются?

Пока нет.

– Если нет, тогда рассказывай про поездку. Да смотри, во всех подробностях!

Я рассказываю.

– Ну что же, молодец, Егор, – серьёзно и значительно выносит вердикт Ефим. – Единственное, что меня немного

огорчило, это то, что ты не пришёл ко мне, а решил действовать через голову.

– Ефим Прохорович, да что вы, я и не думал через голову идти. Я же просто по кагэбэшной линии двинул и, признаюсь, даже не подумал вас беспокоить. Там вроде все основания были милицейские, в общем...

– Ладно, ввиду твоей неопытности прощаю, – великодушно заявляет он, – но на будущее учти. Обо всём сначала советуйся со мной. Понял?

– Ну, конечно, понял. Больше не повторится. Раз так, хочу посоветоваться по поводу первого секретаря Центрального райкома ВЛКСМ.

– А чего с ним? – хмурится Ефим.

Я смотрю на Ирину, она тоже хмурится.

– Очень нужно поставить Куренкову Валентину Романовну. Она ни на что другое в ближайшее время претендовать не будет. Это совершенно точно.

Новицкая свирепеет прямо на глазах. Вот далась ей эта круглозадая дочь кагэбэшника.

– Егор, – нравоучительным тоном произносит Захарьин, – мы тебя любим и ценим, но ты палку-то не перегибай. Ты своё место, прости если это грубо звучит, знать-то должен, правда?

– Дело в том, – отвечаю я, – что он согласился помочь с Каховским только в случае, если его дочь получит это место.

– Так а зачем, – Ефим становится заметно жёстче, – ты в

это дело вообще влез? Мне Каховский не мешал.

– Зато он мешал... – я собираюсь сказать, что он мешал Ирине, но она меня перебивает.

– Я не против, Ефим Прохорович, – говорит она исподволь поглядывая на меня. – Девушка она серьёзная, нареканий никаких нет, так что пусть. Да и нам лучше смену растить из проверенных бойцов.

– Ну, – пожимает плечами Ефим, – если нет возражений, то пусть будет Куренкова.

Из этого короткого разговора я делаю вывод, что не все знают обо всём, а значит лучше держаться старого доброго правила и без команды не высовываться. Что же, впредь так и будем поступать.

Мы сидим ещё какое-то время и я начинаю собираться. Попрошавшись выхожу из кабинета. Следом за мной тут же выскакивает Новицкая.

– Ну, – говорит она, пристально глядя на меня, – доволен, что пристроил жопастую свою?

– Она не моя совсем, но доволен, разумеется. Потому что батя её теперь тебе не враг, а друг. А он довольно крутой чувак, Ир, так что пусть будет в союзниках.

– Смотри у меня, Брагин. Если узнаю, что ты к её жопе имеешь хоть какое-то отношение, я тебе знаю, что вырву?

– Ногти? – спрашиваю я.

– Ага, и их тоже.

– Знаешь, чего бы мне хотелось, если говорить о... о жо-

пастой, как ты её называешь?

– Хотелось? – переспрашивает она возмущённо выгнув одну бровь.

– Да. Мне бы хотелось, чтобы у неё вторым секретарём стал Крикунов. Как тебе такой расклад?

– Не лезь не в своё дело, – коротко отвечает она и тут же спрашивает. – Ты когда придёшь?

– Не знаю, – пожимаю я плечами. – Не чувствую заинтересованности, а без взаимного интереса какой смысл?

– Ах ты, мелкий наглец! – очень натурально возмущается Новицкая. – Я ещё и бегать за тобой должна?

– Зачем бегать, достаточно ласковых слов, многообещающих взглядов и нежных прикосновений...

Я не успеваю договорить, потому что её рука ложится мне чуть ниже пояса и с силой сжимает всё, что находит.

– Так достаточно нежно? – томно шепчет Ирина.

– Достаточно! – шепчу я напряжённо. – В смысле, хватит.

– Я ещё не выясняла, что там за лейтенант Лидия Пирогова, с которой ты по Москвам тёрся. Но я выясню. И если, ты слышишь меня? Не отворачивайся, смотри в глаза, и если там будет хоть вот такой маленький намёк на криминал, то... Знаешь, что я сделаю?

– Пожалуйста, не говори, не надо! – умоляю я и не могу сдерживать смеха.

– То-то, – отвечает она. – Смотри у меня.

Распроставшись с Новицкой и договорившись с ней о встрече, я звоню той самой Лиде Пироговой.

– Привет, ну как дела?

Она рассказывает, что ходила к Куренкову и он подтвердил, что возьмёт её к себе. Сейчас у неё есть несколько свободных дней, поскольку ему пока не до неё и она рассчитывает, что я хотя бы часть из них могу провести с ней.

– Конечно, Лид, я и сам об этом мечтаю. Постараюсь ещё сегодня. Ты дома будешь?

– Буду, куда я денусь?

– На меня все, как собаки набросились и рвут на части. Так что, как вырвусь, сразу прибегу.

Потом я звоню Большаку. Специально ради меня он приходит домой пораньше и я обещаю вскоре подгрести. После Платоныча я на всякий случай звоню Артюшкину и он, на удивление, оказывается на месте.

– Товарищ капитан, здравия желаю, – приветствую его я. – Это Брагин. Ну как вы там?

– А, появился, сукин сын! – отвечает на приветствие он. – Где восемь с половиной тысяч?!

– Какие тысячи? – удивляюсь я.

– Ты мне голову не морочь. Завтра чтобы явился на допрос со своим законным представителем. Ясно тебе?!

– Анатолий Семёнович, – усмехаюсь я, – трудно найти более неблагодарного человека чем вы.

– А ты думал, я тебя буду в жопу целовать?! То что ты мне

Каху отдал, так это ты и должен был. Обязан!

– А то, что я практически своими руками бату его снял и дело вам оставил, это как, ничего?

– Ты не заговаривайся. Всё что я делаю – это не ради себя, а ради нашей страны, понял? И воровать у этой самой страны никому непозволительно! Вот так-то!

– Ясно всё с вами. Вы когда увольняетесь? Слыхал, будто во вневедомственную собираетесь?

– А это тебя не касается! – кричит он и наверняка курит в этот самый момент. – Не думай, что если меня не будет тебе это с рук сойдёт. Ты меня понял? Деньги придётся вернуть!

– Ну вот и помогай после этого людям, – усмехаюсь я. – Ладно, товарищ капитан, хотел зайти поздороваться, но вижу, что идея изначально была ошибочной. Про деньги лучше у Рыжего с Кахой спрашивайте. Досвидос!

Не дожидаясь его возражений, я вешаю трубку и двигаю в сторону Большака.

Мы обнимаемся, будто не виделись уже двести лет. Действительно, кажется, с нашей последней встречи полжизни прошло. Даже и не знаю, с чего начинать.

– Давай по порядку с предыдущей встречи, – смеётся Платоныч и я рассказываю всю поездку по шагам. И даже описываю вкус икры в цэковской столовой.

Рассказываю я и про Айгуль с Цветом. Большак только головой качает.

– Егор! Ну нахрена тебе вся эта казиношная белиберда сдалась? Есть ведь и без этого, чем заняться.

– Дядя Юра, нам надо заняться всем, понимаешь?

– Козьму Пруткува помнишь? – качает он головой. – Нельзя объять необъятное.

– Ну, нельзя так нельзя. Да вот только сколько сможем, всё-таки обнимем. Пофиг деньги, хотя они там тоже закрутятся немаленькие. Но мы будем контролировать потоки и людей. Пойми! Люди – главный ресурс.

– Ага, – скептически кривится он. – Кадры решают всё. Слышали. Но тут нюанс имеется. Контролировать будем не мы, а Цвет и Куренков.

– Пусть думают, что они контролируют. Но их самих будем держать на крючке мы. Так что, мне кажется всё идёт согласно нашему плану.

– Не знаю... – говорит Большак и задумчиво проводит рукой по волосам. – Ты, конечно, человек будущего, но не бессмертный же. Да даже если и бессмертный, всё равно есть такие вещи, которые даже бессмертному неприятны.

– Согласен.

– Ну, так и в чём дело? Зачем эта бравада, зачем этот ненужный риск? Да и направления, не имеющие прямого отношения к нашей цели?

– Все имеющиеся направления имеют отношение к цели. Все. И, дядь Юр, нет никакой бравады, есть лишь осознание того, что времени у нас почти не остаётся, и если не хватать

всё, как говорится, и ротом, и жопой, и если не рвать себе одно место без продыху, можно не успеть к разделу пирога. Знаешь сколько на Руси-матушке ушлых, пронирыливых и хитровыведенных героев будущего? И не перечить. Так что нам предстоит жестокая борьба.

Он молчит, но я понимаю, возразить ему есть что, просто не хочет спорить.

– И поэтому, – продолжаю я, пользуясь свободной трибуной, – Юрий Платоныч, мы будем работать по всем возможным направлениям. И по колбасе, и по игорному бизнесу и по дефицитному текстилю, и по стройотрядам. По всему, до чего дотянемся. Мы должны стать гидрой, спрутом. Отрубят нам одно щупальце, другое, третье, а мы новые отрастим. И будем мы сотрудничать и с ментами, и с конторщиками, и с блатными, и со спортсменами, и с афганцами. А ещё и с номенклатурой – и с комсомольцами, и с партийцами. Вообще со всеми. И будем всем им давать корм и веру в светлое будущее.

– Слушай, – говорит он чуть помолчав. – Я тут про наших баранов. Лида ушла в КГБ, значит ценность добытого тобой компромата на неё и Баранова ощутимо снижается, и майор может попытаться вырваться на волю.

– Да ладно, ну как он вырвется? Материалы по потере табельного оружия у меня. Давление на директора мясокомбината тоже имеется. И он ведь получит крупную взятку за этот наезд. Можно теоретически факт передачи денег запро-

токолировать, если что. Кстати, с мясокомбинатом никаких подвижек нет?

– Есть, – кивает Большак. – Есть подвижки. Сегодня только Урусов звонил, договаривался о встрече и намекал, что очень хочет сотрудничать «как раньше».

– Ну вот, идёт работа!

– И ещё есть кое-что.

– Приятное, надеюсь?

– Ну, так, нейтральное, – пожимает Платоныч плечами. – Иван Сергеевич Подъяков, тот что совсем ещё недавно был первым секретарём горкома, а теперь занял место Каховского, тоже сегодня звонил. Все прям зашевелились, будто кто-то ткнул горящей хворостиной в муравейник.

– Ну, так и ткнули же, – самодовольно улыбаюсь я.

– Ткнули, да. Так вот, Подъяков предложил мне обдумать такую вещь. Хочет мою кандидатуру предложить на должность председателя Облпотребсоюза.

– Ух-ты! Ну так это же здорово! Конгениально, лёд тронулся, господа присяжные заседатели! Там возможностей будет немеряно, и мы их все реализуем. Чувствую! Ты согласился?

– Сказал, что подумаю. Не хочется ведь упускать то что уже имеется. Здесь место очень хорошее.

– Да, очень. Надо придумать, кого можно на него поставить. Нужен проверенный и надёжный человек.

– Нужен, в том-то и дело, – смеётся Платоныч. – Да вот

только в магазинах такие люди не продаются.

– От Облпотребсоюза отказываться никак нельзя, – вслух размышляю я. – Там ведь неплохая автономия, фонды выделяемые на село, собственные производства, заготовка, техника и торговая сеть. А Ефим уже знает?

– Наверное. Я с ним ещё не разговаривал. Не исключено, что это вообще с его подачи всё.

– Может из комсомольцев кого взять? Но я толком с ними и не сдружился ещё. Главное, не Игорёшу.

– Нет, ну это даже не обсуждается, – кивает Платоныч. – Ладно, подумаем, дня два у нас есть на раздумья.

– Мне ещё бюстгальтеры надо купить успеть, – смеюсь я.

– Успеешь...

От Платоныча я бегу к Лиде.

– Лида, мне домой надо, поэтому сегодня я по-быстрому, чисто деловой визит.

Я отдаю ей её тысячу, долю с выигрыша на тотализаторе. Она берёт деньги с большим удовольствием и одаривает меня нежным поцелуем.

– Хочу постоянно так зарабатывать, – смеётся она.

– Вот, я в тебе не ошибся. Ни на грамм не ошибся.

– Вообще-то я сама тебя выбрала, ты помнишь? Когда ты не мог со своими деликатесным пайком справиться.

– Это я специально горошек уронил, – смеюсь я. – Тебя подманивал.

– Ох, трепло ты, Брагин!

Она тоже смеётся.

– Лид, я сегодня говорил про тебя с Куренковым.

– С чего это? – вмиг хмурится она.

– Ну как, беспокоюсь о тебе, вот и спрашивал у него, что и как. Он тебе уже обрисовал круг твоих задач?

– Нет, – коротко машет она головой. – Сказал, что по ходу работы станет ясно, куда меня пристроить. Так и сказал, «пристроить», будто я предмет какой-то.

– Понятно. Ещё сам не решил, наверное. Но неважно, скажет ещё. Я ему предложил оставить тебя на тотализаторе. Всё то же самое, с той лишь разницей, что теперь ты будешь сама принимать ставки и выдавать выигрыши.

– Что? – вскрикивает она. – Чтобы меня опять украл какой-нибудь головорез? Нет! Только через мой труп!

– Да погоди ты, не бузи. Это же совсем другая ситуация. Просто совершенно.

– Нет, нет и нет!

– А бабки хочешь? – спрашиваю я. – Вот, то-то и оно.

Мы оставляем этот вопрос открытым, подвешивая его решение и прощаемся. Согласится, как пить дать согласится. Я не хочу давить, поэтому оставляю всё как есть. Она сама должна решить.

Иду домой. Сейчас погуляю с Раджем, поужинаю и упаду в постель. Это как такое представить?! Что за жизнь пошла такая невероятная, что меня никто не хочет прессовать? Все

разбойники и силовики, а также административные и ответственные работники и прочие потенциально заинтересованные личности, оставили вдруг меня в покое.

Не вдруг, разумеется, совсем не вдруг. Ну что же, значит время было потрачено не впустую и сейчас нужно настраиваться на созидание. Поле распаханно, а какое не распаханно, то будет распаханно, и теперь остаётся его возделывать, поливая собственной кровью и потом. Всему своё время, и время всякой вещи под небом:

время рождаться, и время умирать; время насаждать, и время вырывать посаженное; время убивать, и время врачевать; время разрушать, и время строить;

время плакать, и время смеяться; время сетовать, и время плясать; время разбрасывать камни, и время собирать камни; время обнимать, и время уклоняться от объятий;

Размышляя таким образом, я поднимаюсь домой. У дверей меня встречает мама и выглядит она довольно встревоженно.

– Егор! – сразу рвёт она с места в карьер. – Что случилось?

– В смысле? – не понимаю я.

Она показывает мне серую бумажку с печатью.

– Ты должен мне всё рассказать! Я так и так всё узнаю!

Это вряд ли, мама. Это вряд ли.

– Так что лучше сделай это сам! – говорит она и в её голосе слышится невероятная по накалу драма. – Тебе принесли

повестку в милицию! Нас туда вызывают!

6. В круге неизвестно каком...

– Ну, раз вызывают, значит ходим, – пожимаю я плечами. – Наверняка, это Артюшкин никак не уймётся. Ему надо план по раскрываемости гнать, а он мух не ловит, вот за каждую призрачную возможность и хватается. Ты знала, что они иногда даже фабрикуют дела, чтобы этот план выдать?

– Что за чушь ты несёшь! – сердится мама. – Рассказывай за что тебя вызывают! Что ты натворил? Я давно подозревала! Откуда у тебя деньги, а? Ты что, украл?

Я? Украл? Нет больше такого слова. В новом русском языке есть только слово «заработал». Отец стоит тут же, внимательно смотрит, но молчит.

– Мам, ну я не знаю, ничего я не творил! Чушь какая-то. И знаешь... Я с тобой не пойду.

– Что?! – задыхается мама.

– Да, – развожу я руками. – Ты несдержанная и эмоциональная. Ты ведь этого Артюшкина и убить можешь, если поймёшь, что он кривду творит. Я лучше с папой схожу. Он спокойный. Он разберётся. Не сердись, но моё решение такое.

– Он не может тебя представлять! – злится мама. – Мы в разводе!

– Но со мной-то он не в разводе, – отвечаю я. – И роди-

тельских прав его не лишали. Тем более, он живёт с тобой в гражданском браке...

– Что?! – опять восклицает мама возмущённо.

– Просто интересуюсь, будет ли воссоединение семьи оформлено документально.

– Андрей! – взывает мама, чувствуя, что я выскользываю из её цепких рук. – Ну, что ты молчишь!

– Кхе, – откашливается папа. – Да, правда... Аня... давай поженимся.

Мама подаётся вперёд, вытягивая шею и расставляя в стороны руки. Немая сцена, к нам едет ревизор. Глаза у неё становятся огромными и удивлёнными и, одновременно с этим, милыми, как у Кота в сапогах из «Шрека».

Пока родители стоят без движения, словно превратившись в мраморные статуи, я делаю знак Раджу и выскакиваю на лестничную площадку.

Утром у подъезда меня ждёт моя печальная поклонница Рыбкина.

– Наташка! Привет!

Я подхватываю её и кружу, прижимая к себе.

– Сумасшедший! – румянится она.

Ну, зато теперь будет повеселее, а то от её взгляда и молоко бы в простоквашу превратилось.

– Держи, – достаю я из сумки небольшой свёрток с чулочно-носочными изделиями.

– Что это? – любопытствует она.

– Подарочек из столицы. Позовёшь на примерку?

Она заглядывает в пакет и, покраснев, хлопает меня ладошкой по плечу.

– Ой-ой-ой, – дурашливо хватаюсь я за как бы ушибленную руку.

Я делаю несколько шагов и замечаю, что Наташки рядом нет. Оборачиваюсь и вижу её стоящей позади с упёртыми в бока руками.

– Что такое? Пошли! – киваю я в сторону школы. – Опоздаем, Марьяша всю плешь проест.

– Егор. – говорит она до трагичности серьёзно. – Спасибо за подарок, но я не могу его принять.

– Почему? – удивляюсь я.

– Это не та вещь, чтобы дарить посторонним.

– Ну, какие же мы посторонние?

– Нет? А кто мы? – спрашивает она.

Ах, вот в чём дело... Понятно...

– Наташ, ну ты чего...

Я подхожу к ней и утыкаюсь своим лбом в её лобик.

– Что на тебя нашло? – спрашиваю я. – Пошли, не выдумывай. Знаешь, какие ножки будут в этих колготках? Конфетка! Мечта фетишиста.

– Кого?

– Неважно, считай, я ничего не говорил. Нет, ну что с тобой! Ну, правда! Пошли. Спрячь их в сумку, а то девки от-

нимут и пойдём уже.

Я беру её за руку и тяну.

– Ну же!

Но она упирается и не хочет двигаться с места.

– Обещай, что поговоришь со мной, – упрямым голосом требует она.

– Натусь, ну я же разговариваю. Это ты вон надулась и молчишь.

– Нет, пообещай.

– Хорошо. Обещаю. Я с тобой поговорю! – произношу я голосом, каким порой строгий учитель обращается к нерадивому ученику, типа а-та-та.

– Тебе всё шуточки, а мне вот не до смеха, – вздыхает она. – Сегодня же после уроков. Вернёмся домой и поговорим. Это очень серьёзно. Ты понял меня?

– Понял, – соглашаюсь я. – Только давай не сразу после уроков. Сегодня будет комитет и Крикунов, сто процентов, меня выцепит. Потом меня вызывают в милицию, и я пойду с отцом. После милиции тренировка в школьном спортзале. Я и так уже пропустил, так что меня Скачков выгнать может. А после этого я весь твой. Без остатка.

– Хорошо, – соглашается Рыбкина и поджимает губы. – Я подожду. Хотя правильнее было бы сказать, что мой, как раз, только остаток. На всех есть время, кроме меня.

– Наташ, ну ты даёшь. Они в тюрьму хотят меня посадить, ты ж пойми, вопрос серьёзный.

– За что? – вдруг начинает волноваться она. – За то?

Блин, лучше бы не говорил про ментовку, сейчас будет себя накручивать. Мда, лохонулся я.

– Нет, за старое ещё...

– Какое такое старое? Не надо от меня ничего скрывать, пожалуйста. Ведь всё из-за меня тогда случилось. Поэтому я всю ответственность хочу разделить с тобой.

– Наташ, пошли. Я тебе всё расскажу, не переживай. Без утайки.

Мы продолжаем наш путь, а колготки перебираются в её сумку. Уже на подходе к школе мы догоняем стайку пацанов, по виду четвероклассников. Они весело болтают.

– Хрущёв умер и попал на тот свет, – говорит один из мальчишек. – Идёт такой и видит Маркса. У него табличка «ТК». Ну ладно, чё идёт дальше. Смотрит, Ленин стоит. Тоже с табличкой «ТК». И Сталин с такой же. К зеркалу подходит, а на нём тоже такая есть. Он такой спрашивает, чё типа это значит? А ему отвечают, Маркс – теоретик коммунизма. Ленин – творец коммунизма, Сталин – тиран коммунизма. Он говорит, а я тогда кто? А ты тварь кукурузная.

Они все начинают весело хохотать, а просмеявшись, продолжают дальше.

– А вот ещё, слушайте, ребзя. Брежнев такой читает доклад...

Мы с Рыбкиной обгоняем их и бежим дальше.

– Слыхала? – спрашиваю я.

– Что?

– Анекдот про тварь кукурузную.

– Нет, какой анекдот?

– Да так... пацанята вон рассказывали.

После уроков, как я и ожидал, меня выцепляет Крикунов.

– Брагин! На комитет комсомола.

– И вам здравствовать, Андрей Михайлович, – отвечаю я. – Вот мне интересно даже, вам нравится меня отлавливать каждый раз? Получается, вы даже мысли не допускаете, что я могу по доброй воли на заседание явиться?

– Так, проходи, не задерживайся. Тебя почему в школе не было?

– Я был на задании. В Москву летал.

Мы шагаем в комсомольскую комнату.

– Между прочим, я ваш вопрос не забыл. Вчера только его поднимал.

– Болтун, – реагирует Крикунов и распахивает передо мной дверь.

Оттуда вылетает мокрая тряпка, едва не задев его лицо.

– Сифа! – раздаётся отчаянный голос из недр комитета комсомола.

Раздаётся и тут же смолкает. Крикунов не снисходит до выяснения того, кому он принадлежит и с порога начинает заседание. Отстрелявшись по-быстрому, он всех отпускает.

– Брагин! – говорит он. – Задержись на секунду.

А вас Штирлиц, я попрошу остаться.

– Я хочу тебя серьёзно предупредить. На следующей неделе репетиция открытого городского собрания. Я тебя ловить по переменам не буду. Если провалишь мероприятие, вылетит из Комсомола.

– Вы что такое говорите, Андрей Михайлович! Меня уже в Партию зовут, сразу как восемнадцать исполнится. А вы тут исключением пугаете.

– Мне вот, честно скажу, насрать, куда тебя там зовут, понял? Мне надо, чтобы у меня мероприятие идеально прошло.

– Почему люди такие неблагодарные... – я делаю паузу, – создания. Хотел сказать «твари», но решил, всё-таки сказать иначе. Я вот вчера встречался с первым секретарём горкома КПСС и ВЛКСМ. Одновременно. Представляете?

– Поздравляю, – совершенно не впечатляется он моими встречами.

– И знаете, что я им сказал?

– Что ты безответственный и никчёмный пройдоха?

– Фу-у-у... Я им сказал, возьмите нашего школьного Крикунова вторым секретарём Центрального райкома.

– Чего? – поднимает он брови.

– Честное слово, – поднимаю я руку в пионерском салюте.

– Паяц, – говорит он, но уже как-то не особенно уверенно, и после небольшой паузы спрашивает. – И что они ответили?

– Захарын ответил, что не возражает, а Новицкая про-

молчала так, что я понял, возьмёт. Так что готовьтесь к восстановлению былой мощи. И вот что я скажу. За Комсомолом будущее, не бросайте его и он не даст пропасть уже через несколько лет.

– Ты анаши что ли покурил, Брагин?

– Это типа спасибо такое? Ладно, пошёл я. Комсомол – это молодость мира, кстати.

Я прихожу домой, разогреваю борщ, достаю сметану, густую настолько, что даже непонятно, сметана это или масло. У мамы на работе у коллеги мать держит корову и приторговывает молочкой. Отрезаю хлеба и сала, несколько тоненьких ломтиков, просвечивающих на свету. Сало просто огонь. Мы с мамой едим, а отцу нельзя. Сука Джага. Иногда мне кажется, что зря мы, в смысле человеки, отошли от очень доходчивой и наглядной формулы «зуб за зуб». Я бы не возражал если бы этому уроду вырезали селезёнку.

Ох и борщ! Мама варит его шикарно. Со свёклой и с томатной пастой. Он получается насыщенного цвета, среднего между кармином и киноварью. Свёкла не переварена, твёрдая и даже немного хрустящая, как и капуста. И ещё укроп. Обязательно сушёный зонтик. Наливаю ещё одну тарелку с куском говядины. Я бы мог, наверное, целую кастрюлю съесть.

Приходит отец.

– Ну что, господа малолетние правонарушители, готовы?

Готовы-готовы. Я быстро доедаю и мы выдвигаемся и чешем на Красную, в ментовку.

– К Артюшкину, – говорю я, протягивая дежурному повестку.

Он смотрит в бумажку и выписывает пропуск.

– Это не к Артюшкину. К Суходоеву.

– К какому ещё Суходоеву? Нет, мы к Артюшкину.

– Вышел весь. Уволился Артюшкин.

– Как так, без отработки что ли?

– Это уж я не знаю, как он там договорился. Кабинет тот же, знаете куда идти?

Знаем. Ёлки. Что ещё за Суходоев такой! Чувствую, выдоит нас сейчас досуха... Я стучу в дверь и оттуда выскакивает Зарипов. Не глядя на нас, он сквозит мимо.

В кабинете, прокопчённом предыдущим владельцем, стоит тяжёлый запах пепельницы. Это, думаю, приговор. Смерд после табачного капитана, полагаю, уже никогда не выветрится, хоть заремонтируйся и запроветривайся. Форточка, кстати открыта.

Лейтёха ещё пацан, конечно. Ну, в смысле, если взирать с вершины полтоса.

– А где Анатолий Семёнович? – спрашиваю я, когда мы усаживаемся за стол и оставляем позади все формальности.

– Не знаю, – отвечает Суходоев, – обратитесь в отдел кадров.

Весь такой правильный, всё делает демонстративно по

букве закона. Волосики тоненькие светленькие прилизаны, усики пшеничные топорщатся, глазки-бусинки сверкают... Мышь белая. В греческом зале, в греческом зале, ах, Аполлон, ах Аполлон... Спасибо Аркадий Исаакович, за афоризмы на все времена. Вернее, Жванецкий, в данном случае, если не путаю.

Он ведь жив ещё, Райкин то есть. И по телеку время от времени мелькает ещё, а по радио – само собой. Хотя, если быть честным, могу сообщить, что всегда в шутках его чувствовалась какая-то горечь, чтобы не сказать депрессуха... Ладно, про Райкина потом.

– И вот какие любопытные документы находятся в этой папке, – говорит Суходоев. – Оказывается есть показания, почему-то не приобщённые к делу, в которых говорится, что Джагиров был без оружия, когда вы на него напали.

– Чего? – хмурится отец. – Мы напали? Да мне кусок тела вырезали. Мы напали? Ты, старлей, о**ел совсем? Ты чего несёшь-то!

– Суходоев бледнеет, но держит себя в руках.

– Вы, Андрей Прокофьевич, не кипятитесь, пожалуйста. Я вас прекрасно понимаю и сочувствую вам, но закон есть закон. Вы, как человек военный, это должны понимать. Мы во всём разберёмся, не беспокойтесь.

Я смотрю на отца с одобрением. Спокойный-спокойный, но если его разозлить, мало не покажется. Правильно, батя.

– Раз не приобщены к делу, значит взяты с нарушениями

либо вообще подложные, – заявляю я. – Сфабрикованы с целью давления на потерпевшего. Это и ежу понятно, старлей. Если это всё, подписывай пропуск, нам в полк пора возвращаться.

– Порошу вас, гражданин Брагин, – говорит он мне, – вести себя прилично. Не заставляйте применять предусмотренные в таких случаях меры.

Да твою ж за ногу.

– А вот здесь имеется протокол опознания...

Если это месть, не за персону Троекурова, а за сам факт, за позор и удар по авторитету органов, то версии, казавшиеся раньше смешными, теперь будут использованы и раскручены на всю катушку. Ещё и Киргиза приплетут с его пушкой. Тоже поди записал, что я сообщил... Ну что за козёл этот Артюшкин. Нахера он оставил эти бумажки? Тварь неблагодарная. Знаю я таких, как он. Знаю.

– Послушай Суходоев, или как тебя там, – говорю я вставая. – Куда ты лезешь, а? Хочешь, как Артюшкин с Троекуровым в неизвестном направлении раствориться?

Знаю, что он здесь не причём, просто делает, что сказано. Роеет. И нароет ведь гад. А что не нароет, домыслит. Сцуко!

– Подписывай пропуск, уходим мы. Будешь теперь с моим адвокатом общаться. Хер я сюда ещё приду.

– Вы присядьте, гражданин, – повышает он голос. – Я вас последний раз предупреждаю.

Предупреждает он меня. Ну Артюшкин, ну скотина! Под-

весить бы тебя за одно место. Или два...

– Пап, да я тебе говорю, он специально это всё делал, чтобы я ему Каху дал на тарелочке с каёмочкой.

– А что это за Каха?

– Да он уже арестован. Я ведь помог его взять. Маме только не говори. Это тот, что деньги у меня вымогал, сынок второго секретаря. Полетел, кстати и папаша из-за сынка своего. Маме ни слова! Договорились?

– Ну, я врать ей не буду.

– Скажи, ушёл следак, а новый разбирается в старых делах. Это не враньё. Так всё и есть.

– Так а чего делать-то, если они будут это продавливать?

– Я сейчас на тренировку, а потом к Платонычу забегу. У него адвокат есть хороший. Попрошу его, пусть разбирается с этими отморозками. Понимаешь, их КГБ вздрючило за нарушения, вот они сейчас и лезут из кожи вон от злости.

Мы расстаёмся, но бегу я не на тренировку, а напрямиком в горком. Удобно устроился, всё на одной улице, на Красной. И ментовка, и горком, и Новицкая и даже Трынин интернат.

Я прохожу напрямиком к товарищу Ефиму. В приёмной уже имеется секретарша, а на двери табличка с его именем. Посетителей нет.

– Здравствуйте, – говорю я, – я к Ефиму Прохоровичу.

– По какому вопросу? – холодно спрашивает секретарша, глядя на меня поверх очков.

– По личному.

– Приём по личным вопросам проходит по понедельникам. Нужно записаться... Так. На ближайший уже всё занято... Могу предложить вам...

– Немедленно! – заявляю я как можно твёрже. – Прямо сейчас! Это что за бюрократия! Докладывайте немедленно!

– Что вы себе позволяете, молодой человек! – возмущённо отвечает секретарша.

– Дело очень срочное! – поясняю я. – Критически срочное. Докладывайте скорее.

– Что здесь за шум? – раздаётся от двери голос Ефима.

– Да вот, – виновато говорит секретарша, – молодой человек хулиганит. Хочет без записи к вам зайти.

– Ну, пусть зайдёт, – кивает Захарьин. – В порядке исключения.

Он молча указывает мне на стул и садится на своё место. Я вкратце объясняю ситуацию и прошу дать контакт на хорошего адвоката, имея в виду, не заступитесь ли вы за меня, Ефим Прохорович, с высоты данной вам власти, учитывая наши далеко идущие совместные планы.

– Послушай, Егор... – задумчиво начинает он. – С адвокатом я тебе помогу, но вот что ещё скажу. Влетать ко мне вот так, как сегодня больше не нужно. Я думал, ты большой мальчик и сам понимаешь.

– Да, простите, я понадеялся, что пока у вас тут ещё организационная неразбериха... Вы правы.

Конечно, он прав. Но мог бы и помочь...

– Хорошо, что понимаешь. Не нужно, чтобы кто-то задавался вопросом, а что это за мальчик, который ногой дверь в кабинет первого открывает. И вообще, не нужно, чтобы нас как-то связывал друг с другом. Для дела это нехорошо. Далее. Помогать тебе с милицией я не буду. Как ты себе это представляешь? Каховского только что с треском вынесли на свалку истории, а тут я буду делать именно то, за что его изгнали? Разумеется, не буду. Да и никто не будет. Нужна помощь – иди к Вале или, собственно, к её папе. Только по-умному. Ты же не дурак, Егор. А чего творишь? Распсиховался что ли? И вот ещё. То, что я хорошо к тебе отношусь, не делает нас равными, понимаешь? И требовать немедленно принять тебя... Ты вообще соображаешь, как это со стороны выглядит? Подумай. И последнее. Разбирайся с ментами. Но аккуратно. Нам нужны кристально чистые комсомольцы, да и не только комсомольцы. Только те, у кого от милиции имеются одни лишь благодарности, а никак не обвинения. Улавливаешь? Если не удастся выкрутиться, придётся тебя перебрасывать на другой фронт. В горкоме с незакрытыми...

– Гештальтами, – подсказываю я.

– Не знаю, с незакрытыми делами находиться нельзя. Мы поняли друг друга?

– Могу сказать только за себя. Я вас понял, Ефим Прохорович.

– Ну и молодец, раз понял.

Ефим достаёт из внутреннего кармана маленькую записную книжку, листает, а потом снимает трубку и набирает номер.

– Яша, привет. Это Захарьин. Как поживаешь? Да. Да. Спасибо-спасибо. Надо, надо. Обязательно. Слушай, я с просьбой. Хочу послать к тебе одного молодого человека. Помогии ему, если сможешь. Фамилия его Брагин. Он тебе позвонит сегодня. Во сколько удобнее? Хорошо, вечером позвонит. Ну всё, бывай, Сонечке большой привет.

Он кладёт трубку и диктует:

– Кофман Яков Аркадьевич. Номер телефона...

Я выхожу от Ефима в не слишком радостном настроении. Но ничего. Мы что-нибудь обязательно придумаем. Обязательно. Сейчас позанимаюсь и мозги прочистятся. Он, конечно, прав. Не нужно было бежать к нему сломя голову. Ну, да ладно. Хуже не будет.

Скачков раскатывает меня катком за отсутствие на прошлой тренировке, но я не реагирую. Принимаю его наезды смиренно и он успокаивается. Нужно с ковром что-то решать. Я же хотел с Большаком поговорить по спортторгу, пока он не ушёл. Не забыть бы.

Отлично. Тренировка проходит отлично. Вот что мне надо было. Голова чистая. На сердце легко. Когда мы заканчиваем и идём в раздевалку, я обращаюсь к Ширяю.

– Юрок, у меня к тебе дело есть. Ты по вечерам чем занят,

когда не на тренировке?

– Да ничем. А чё?

– Желаете деньги срубить? Надо в баре в «Солнечном» охранником поработать.

– Вышибалой что ли?

– Ну, не совсем. Вышибала там имеется. Надо барышню одну красивую поохранять. Пока не знаю точно в какие часы. Примерно пять часов в день. Полтинник в месяц.

– Пятьдесят рублей что ли? Не, давай шестьдесят.

– А ты, я смотрю, умеешь торговаться. Ну, давай шестьдесят. Начинать уже со следующей недели, наверное.

– Ну и зашибись!

Он выглядит явно обрадованным.

– Значит по рукам?

– Ага, – он крепко жмёт мою руку. – По рукам. А что делать-то конкретно?

– Да ничего. Сидеть просто и страх внушать своим видом. Ну, если кто к девушке приставать начнёт, пресечь сразу.

– Ну, так это, присекём, если надо.

– Присекём тебе. Велик могучим русский языка, да? Будешь сидеть, уроки делать.

Когда мы выходим из школы, идём вдвоём с Трыней. Нам по пути.

– Андрюх, извини, – говорю я, – в гости не зову сегодня. У меня там с Рыбкиной тёрки какие-то будут. Так что сорри.

Приходи завтра, если сможешь.

– Да ладно, ты чё, вообще не проблема. Мне всё равно надо пораньше вернуться. Завтра контролка, нужно подготовиться малёха.

– О, молодец, – хвалю я. – Держи. Вот тебе подарок за тягу к знаниям.

Я достаю из сумки и протягиваю ему свёрток. Это «Милтонс» «Ковбой джинс», они только-только появились, ещё с латунной бляхой. Купил их в ГУМе аж за двадцать пять рублей.

– О нефинты себе! – шалееет от радости Трыня. – Это джинсы что ли?

– Ага, из Москвы тебе привёз.

– Братон, спасибо тебе. Ну, теперь можно Юльку звать на мороженое.

– Деньги есть? – спрашиваю я и протягиваю чирик. – На держи.

– Да ладно, не надо, чё ты. У родаков берёшь и мне отдаёшь...

– Андрюха. У родителей я не беру. Это мои, кровные. Так что держи. Не знаешь что ли, дают...

– Бери, – договаривает он.

– Вот, правильно. Дают – бери, бьют – беги. Ну всё, я побежал. Давай. Подскакивай завтра.

– Посмотрим, – кивает он. – Спасибо, Егор.

Я сворачиваю во двор и сразу вижу Наташку.

– Не забыл про меня? – спрашивает она немного взволнованно.

– Да как бы я мог, что ты говоришь. Ёлки... ты же замёрзла, давно ждёшь?

– У тебя отец дома, – игнорирует она мой вопрос. – Давай ко мне тогда.

– Ну... ладно, – пожимаю я плечами. – Давай к тебе.

Мы идём проходим мимо моего подъезда и я замечаю сидящего на лавочке спиной к нам человека. Японский городской! Узнаю его сразу. Как такого не узнать.

– Наташ, – говорю я Рыбкиной. – Ты иди, поднимайся. Чайник пока поставь, а то дрожишь вся. А я сейчас, через минуту. С гражданином переговорю и приду.

– Ладно... – неуверенно отвечает она, недоумённо глядя на гражданина. – Только ты скорей, а то у меня тоже отец прийти скоро может.

– Одна минутка, не больше.

Я слежу, как она бежит к своему подъезду и только, когда за ней закрывается дверь, поворачиваюсь к сидящему на лавке мужику.

– Тебе чего надо, Джангир? – не слишком дружелюбно спрашиваю я. – Чего-то недопонял в прошлый раз?

7. ЁКЛМН

Выглядит он, мягко говоря, неважно. Рожа опухшая, отёчная, небритый, глаза мутные, чёрные круги. Дунь на него и развалится.

– Чё пришёл? – киваю я.

Он медленно и неловко поднимается с лавки. Смотри-ка, ещё и передвигается самостоятельно. Вставать тяжело. Дважды он чуть поднимается и тут же падает. Я бы мог ему помочь, поддержать за руку, но ему этого не надо, это же демонстрация. Чего только, непонятно.

Я терпеливо жду, пока этот барахтающийся навозный жук не встанет на ноги. Наконец, это происходит. Он покачивается, стоит нетвёрдо и смотрит на меня волком. Как вурдалак, которому уже руки-ноги обрубали, а он всё к кровушке тянется.

– Тебя, – хрипит он, – паскуду... Цвет не даёт трогать. Но он мне не указ. Тебе по-любому амба, фраерок. Он медленно поднимает руку и проводит ребром ладони по горлу.

– Да ты прям настоящий пират, – качаю я головой. – Одноногий Сильвер. Принёс мне чёрную метку, значит?

– Ходи и жди, когда тебе прилетит. И ссыкухе твоей и мамашке с папашкой. Живи и ожидай, расплаты.

За что, интересно, он собрался со мной квитаться? Злоб-

ный идиот.

– Послушай ты, – подхожу я ближе и больно тычу ему пальцем в грудь, – жертва аборта. Слушай внимательно, повторять я точно не буду. Ты жив благодаря моему доброму сердцу, но это очень легко исправить. В любой момент. И если тебе это непонятно, значит ты гораздо тупее, чем кажешься. Прикасаюсь к твоей мерзкой плоти неприятно, но я это сделаю. И с тобой и с твоим выbledком. Спроси любого, я слов на ветер не бросаю. А если ты ещё хотя бы раз подумаешь или, тем более, упомянешь кого-то из моих близких, я тебе язык вырву, а твой протез забью в жопу. Или в пасть, ещё не решил. Пяткой вперёд.

Должно быть, что-такое очень достоверное и реально угрожающее мелькает в моих глазах, потому что возражать он не решается и отводит взгляд. Я поворачиваюсь и неспешно удаляюсь в сторону рыбкинского подъезда. Не оглядываюсь. Смотреть, как эта ошибка природы убирается восвояси нет ни малейшего желания.

Совершенно очевидно, что он не успокоится и мои слова для него ровным счётом ничего не значат. А это, в свою очередь, означает, что он попытается что-то предпринять. В одиночку шансов у него мало, но гадость устроить может. Ладно я, но если он направит лучи своего возмездия на маму или Наташку, может быть худо. На неё вон уж покушались люди Киргиза, она до сих пор "под впечатлением".

В общем, жалко что он не сдох в тот раз, сейчас забот бы

не было. Проклятый гуманизм. Закрыть бы его за что-нибудь, чтобы он, так сказать, отправился к истокам, в идейно близкую среду.

Я поднимаюсь к Рыбкиной, думая об одноногом и не сразу замечаю её волнение.

– Егор! Ну, ты о чём-то там своём думаешь! Так не пойдёт!

– Да нет, Наташ, ты чего, ни о чём таком я не думаю... Бати нет ещё?

– Нет, он так рано не приходит обычно.

Ух-ты. Она уже переделалась. Когда только успела? Я вроде одну только минуту с тем уродом разговаривал... Сука... Я думал, он пару месяцев будет в больничке чалиться, а он нарисовался... Что же с ним придумать...

– Ну, Егор!

– Да здесь я, здесь...

На ней тот самый коротенький домашний халатик, за который она уже получала от отца.

– Послушай, присядь, – она показывает на диван. – Вот сюда. Садись.

Я сажусь и она опускается рядом. Чуть наклоняется и берёт мою руку. Я улавливаю её запах, тонкий и свежий, и... волнующий. Духи. Но совсем немного и... Они смешиваются с ароматом юности и бьют в голову... Что ж ты творишь, Рыбкина!

Она смущена и взволнована, и от этого по спине мурашки

бегут. Она собирается с духом, хочет сказать что-то такое, очень важное и очень личное...

– Егор... – голос немного дрожит. – Я тебе совсем не нравлюсь?

Блин...

– Наташ, ты чего... Как ты можешь не нравиться? Ты такая замечательная, такая добрая, такая красивая, такая нежная. Ты очень мне нравишься...

– Нет, – качает она головой. – Неправда. Тебе та девушка нравится, а не я.

Не понял...

– Какая девушка, Наташ? Бондаренко что ли?

Юля тоже симпатичная, да, но она уж совсем малышка.

– Нет, та рыжая, с которой я тебя видела...

Таня...

– Натусь, Таня просто хорошая знакомая и всё. Она же намного старше меня.

– Я слышала, некоторым девушкам нравятся юные и неопытные мальчики...

Где же ты такое слышала, милая? В журнале «Работница» такое не пишут.

– Нет, ты ошибаешься. Мы просто приятели и не виделись уже довольно давно. Да вот тогда, наверное, и был последний раз.

– Ты меня избегаешь, – грустно опускает она голову. – Ведь ты же не можешь не замечать, что я... Что ты... Что ты

мне нравишься...

Замечаю, ага. Я только сейчас, кстати, замечаю, что она в новых колготках, в моём подарке. И да, ножки действительно, как конфетки. Вид обтянутых тёмным капроном острых коленок... В общем у меня внутри что-то сжимается. Не знаю, что там у меня имеется, но сжимается чувствительно. Прямо больно становится. Дожились...

– Наташенька, милая, ты мне тоже очень нравишься, правда. Знаешь, за последние два месяца, ты будто частью меня стала...

– Только за последние два?

– Ну да... Когда кирпичом по голо...

– Тебе всё шуточки, – перебивает она. – А я... я... тебя... люблю...

Ну бляха муха! Да что же это делается! За что меня любить-то?! Я и там жене изменял, и здесь кучу баб уже перетрахал. Если быть точным, троих пока... Вообще, я дед, сто лет в обед, по сравнению с тобой. Да, ты мне нравишься, и я тоже тебя люблю, по-своему. И я бы прямо сейчас сгрёб тебя в охапку и показал, с чего начинается взрослая жизнь. Но я ведь не последняя сволочь! Сволочь, да, но не подонок. И чего мне теперь делать? Чего делать-то?

– Наташка, – тихонько говорю я, и, приобняв её за плечо, прижимаю к себе.

Целомудренно прижимаю, по-братски, по-отечески. У меня дочь старше неё, если что.

– Я тоже тебя люблю, – шепчу я в её густые каштановые волосы, пахнувшие, увы не ребёнком.

Они пахнут желанием и юной, но уже оформившейся красотой.

– Очень сильно люблю, – продолжаю я. – Но ты пойми...

Она не дослушав вырывается из моих объятий и, вскочив, становится передо мной.

– Любишь, – говорит она вздёрнув подбородок. – Докажи!

ЁКЛМН, как пишут на кассовых аппаратах! Это плохие парни требуют от недающих подружек доказательств любви. Не наоборот!

– Ты вроде хотел на примерке побывать? Ну вот, смотри. Как тебе колготки?

Она дёргает за поясок халата и он развязывается, а сам халат, этот маленький клочок шёлка, или из чего он там сделан, соскальзывает с худых девичьих плеч и падает к её стройным ногам.

У меня челюсть отваливается. Да, ножки, как конфетки. Она вся как конфетка. Плечики, шейка, грудка, широкие белые трусы под колготками, закрывающие весь живот. На ней ничего нет, кроме этих трусов и колготок. Мама дорогая! Я паникую! Кто бы мне сказал, что я, как ботан и задрот буду хлопать глазами, глядя на голую девчонку, стоящую в метре от меня.

– Ты же понимаешь, что для меня это значит, правда? – шепчет она. – Ведь я девушка. Это не просто так и теперь...

И в этот самый момент хлопает входная дверь. Твою мать! Мы оба оборачиваемся к прихожей, откуда доносится недозвонное:

– Я тебе сколько раз говорил не запирайтесь! Я же всё равно...

Упс... Дядя Гена съел пургена...

Наверное, мы с ним сейчас очень похожи. У обоих отвисшие челюсти и глаза по полтиннику. Впрочем, это очень быстро меняется. Его глаза в один момент из по-детски обескураженных превращаются в не по-детски взбешённые. Они как фонари идола, как зеницы Молоха, наливаются кровью. Хоть бы его удар не хватил, так-то он, вообще-то, нормальный мужик.

– Ах ты козёл! – хрипит он.

Наташка подхватывает халатик и уносится в спальню, хлопая дверью, а разъярённый отец с неотвратимостью каменного гостя начинает медленное движение в мою сторону.

Погиб смертью храбрых, представляю я надпись на своём надгробном камне.

– Дядя Гена, я... – лепечу я.

– Паскудник!

– Да я...

– Убью, с-с-с... с-с-ука! Задавлю!

Он бросается на меня, но я подныриваю под руку и делаю кувырок.

– Ах ты, мразь! – хрипит разгневанный отец. – Ах ты,

тварь. Я тебе сейчас бубенчики отчекрыжу. Пи***ныш мелкий! Кабздец тебе, козлище!

Развернувшись, он снова пытается меня схватить, но я опять уворачиваюсь и, когда он резко разворачивается, запутавшись в собственных ногах, слегка его толкаю. Он падает, а я, воспользовавшись моментом, вылетаю в прихожую.

Ну, не буду же я лупить отца влюблённой в меня девочки. Стыд какой, честное слово! Я хватаю куртку с ботинками и вырываюсь в подъезд. Блин! Блин-блин-блин! Почему всё не может быть просто? Я не против скучной и безынтесной жизни. Лишь бы без таких вот потрясений.

ЁКЛМН.

Уфф. Я наклоняюсь, зачерпываю в пригоршню снег из сугроба и растираю им лицо. Не помогает. Всё равно, перед глазами стоит Наташка. Теперь ещё её надо будет успокаивать. Ладно, надо заняться делами. Работа превыше всего. Иду в бар. Тоже разговорчик тот ещё будет.

– Здравствуйте, Альберт Эдуардович, – приветствую я Алика.

Он молча кивает и внимательно смотрит.

– Теперь я тут у вас буду ставки принимать, если вы не против.

Он снова кивает и, помолчав, добавляет:

– Теперь будет пятнадцать процентов.

– Можно мне кофе, пожалуйста?

Алик молча отворачивается и делает мне кофе. Надо сказать, кофе неплохой. Мало где... да что там, подумав, могу сказать, лучший в городе.

Делаю глоток.

– Пятнадцать не выйдет, – пожимаю я плечами.

– Тогда, – спокойно отвечает он, – не будешь здесь работать.

– При всём уважении, – говорю я, как в американских фильмах про мафию, – но от меня это не зависит. Боюсь, от вас тоже не вполне. Хотя рад буду ошибиться.

– Поясни, – холодно произносит он, и я чувствую, что он крайне недоволен направлением разговора.

– Я не владелец тотализатора. Новый владелец Цвет. Я лишь оператор, если так можно выразиться. И предлагаю вам десять процентов, но не от выручки, а от прибыли конторы.

Он замирает. Грабёж, конечно. Он привык уже десять процентов выручки хапать. Но это ни в какие ворота, если честно. Он получает клиентуру, которая тут бочками выпивает его заморские пойло, а он ещё и на выигрыш хочет лапу наложить. И накладывает, собственно.

– Я вас глубоко уважаю, Альберт Эдуардович, но в убыток работать не смогу. У меня ресурсов для этого нет. Тем более, до Олимпиады, думаю, будет ощутимый спад среди игроков. Впрочем, многие из них уже привыкли приходить именно сюда, в ваш бар даже когда не играют. Выпить, поболтать в дружелюбной буржуазной обстановке. Атмосфера

бара – ваша заслуга и отсутствие Кахи с Рыжим пойдёт всему на пользу. Согласитесь, они и из-за ширмы умудрялись всё портить. Но я портить не буду. Посажу тут у вас красотку, ту что Рыжему палец откусила, она с репутацией девушка, ей палец в рот не клади. Мужики будут толпами виться, сами понимаете. Так что ваша выручка пойдёт несомненно в гору. Но не то что повышать, а даже оставлять прежней, вашу комиссию никак не получится.

– Значит, не получится продолжать сотрудничество, – отвечает он безо всяких эмоций.

– Это было бы прискорбно. Для нас обоих, между прочим. Он, не глядя на меня, протирает бокал.

– Потому что, – продолжаю я, – мне бы пришлось искать новое место. И оно нашлось бы, вы же понимаете. Не такое красивое и импозантное, как ваш замечательный бар, разумеется, но функцию свою вполне бы выполняло. Хотя бы тот же «Папин мир».

Алик фыркает.

– Ну это я так, чисто для примера, – поясняю я. – Но отток посетителей от вас был бы неизбежен, вы же понимаете. Даже ваших постоянных клиентов.

– Нет, – спокойно говорит он.

– Нет, так нет, я же не уговариваю. У всех свои резоны. Я вашу ситуацию не знаю, вы – мою. Тем не менее...

– Не стоит пытаться меня вразумить, – перебивает он. – Нет значит нет.

– Да я понял, понял. Значит не договорились. Неудачный день какой-то сегодня. Ну что же. Желаю всех благ. Сколько с меня?

Сегодня он берёт в полтора раза больше, чем обычно. Ну и рожа. Вот заберу всю его клиентуру, будет знать.

Я смотрю на часы. Пора двигать на встречу с адвокатом. Это тот самый дядя, что был на дне рождения у Вали Куренковой.

– А, молодой человек, мы, кажется, виделись с вами...

– Абсолютно верно, Яков Арсеньевич. Но представлены не были.

– Ну что же, проходите.

Он принимает меня у себя дома. Великая честь. Мы сидим за столом в большой гостиной, а его жена подаёт нам кофе и домашнюю выпечку. Скатерть с кистями, напоминающая гобелен, старая мебель, хрусталь и серебро, почерневший натюрморт на стене. Откуда в наших краях такое?

Хороший дом, гостеприимный. Для тех, кто готов платить сумасшедший гонорар. Вернее, неофициальную надбавку к официальной низкой ставке. Договариваемся, что по тарифу будут платить родители, а всё что свыше, я заплачу сам. В подтверждение своих возможностей я сразу оставляю задаток в двести рублей. Этим, ясно дело, мы не ограничимся, но для начала хватит.

Яков Арсеньевич Кофман – человек с невероятным

апломбом и подобраться к нему просто так вряд ли получится, даже, как говорится, и на кривой козе. Но с протекцией первого секретаря горкома общение у нас проходит нормально. Даже мило.

Я объясняю ему суть проблемы. Со всеми подробностями и деталями. Почти со всеми. Вижу, юрист он толковый, да только действительность наша очень сильно отличается от фильмов про американских адвокатов. У нас защитник допускается к делу только после завершения предварительного следствия. Но так как я несовершеннолетний, то в моём случае он имеет право взять быка за рога с самого начала.

– Торопиться не будем. Начнём с тактики изматывания противника. Посмотрим, как пойдёт, а там будет видно.

– Ой-вей! – говорю я на прощание и мы расстаёмся

Из автомата звоню Рыбкиным. Надеюсь, строгий отец не убил там свою дочь за эротические провокации.

– Алло! – звучит недовольный и раздражённый голос.

Неужели по такому случаю даже не бухнул сегодня?

– Дядь Ген, не вешай трубку!

Но он не прислушивается к моей просьбе и, разразившись проклятиями, обрушивает трубку на рычаг. Блин... попада-лово...

Утром Наташка не выходит в обычное время и я жду её минут двадцать, понимая, что, скорее всего, в школу она не пойдёт. Подняться к ней не решаюсь, опасаясь всё усугубить,

встретившись с Геней. В итоге иду в школу один и неизменно опаздываю на литературу.

– На перемене отзываю Ширяя в сторону.

– Юр, привет.

– Ага, здорово. Когда начинать?

– Да, начнём на днях. Там ещё кое-какие организационные вопросы решить надо. Не переживай. Скоро. Я вот что хочу сказать. Ты парень шустрый, боевой. У тебя знакомых и приятелей хренова туча, так?

– Ну, допустим, – кивает он.

– Вот и хорошо. Ты подбери ещё человек пять для занятий.

– Так Тимурыч не возьмёт, – удивляется он.

– Да ладно, уговорим мы его. Он же видит, пацаны нормальные, не гопники и не бандосы.

– Ха, – ухмыляется Ширяй, – бандосы. Прикольное словечко.

– Только ты смотри, чтоб реально чёткие пацаны были. Понимаешь? С высокими морально-этическими принципами. Порядочные, чтоб понятия имели. Не воровские, а человеческие. Хороших ребят, короче подтягивай.

– Мля, Егорыч, где я тебе таких возьму?

– Ну, ты уж поищи, покумекай. Я вон тоже с Серёгами поговорю.

– А зачем тебе? – топорщит он глаза.

– Ну, как зачем, будем армию создавать. Патрули револю-

ции. Защищать слабых и обижать сильных.

Он ржёт:

– А чё, прикольно. Тимур и его команда в натуре. Ну ладно, поспрашиваю.

– Ну только аккуратно, ладно? Чтоб у нас тут очереди желающих записаться в ЧОП не выстроились.

– Куда записаться?

– Потом скажу, – отмахиваюсь я. – Пошли в класс. Звонок уже.

После уроков я сразу иду домой. Вернее, не домой, а по направлению к дому. На пути моего следования находится опорный пункт с офисом участкового. Вот туда с тяжёлым сердцем я и направляюсь.

Захожу напрямиком в кабинет. Не убьёт же он меня. Может покалечить, конечно...

Он сидит за столом, а перед ним восседает толстая тётка в форме. Увидев меня, он в лице меняется. В его взгляде не читается ни намёка на внутреннюю доброту. Да... Не надо было заходить.

Он привстаёт, а рука тянется к кобуре.

– Ты чё припёрся, сука? – зло спрашивает он.

8. А всё хорошее и есть мечта

– Дядь Ген, – начинаю я миролюбиво.

– Какой я тебе дядя! – рычит он. – Матвеевна, ну-ка выйди. Мне с этим змеёнышем один на один поговорить надо.

Дородная Матвеевна безропотно поднимается и, смерив меня неодобрительным взглядом, тотчас выходит из кабинета. Свидетели нам и в самом деле не нужны. Рыбкин выбирается из-за стола и, воспламенив безумный кровавый огонь во взгляде, надвигается на меня. Ну ладно. Если насилие неизбежно, говорят, нужно расслабиться.

Я делаю шаг навстречу своему палачу и останавливаюсь в расслабленной позе, правда, удобной для быстрого реагирования. Он быстро приближается и у него даже не ёкает ничего, я не вижу, ни тени сомнения, вообще никаких посторонних мыслей и слюняйского морализаторства.

Он резко замахивается и бьёт. Прямо, как на картинке из учебника по самбо. Ну, чего уж, раз такое дело, я тоже действую, как на той же картинке. Вернее, серии картинок. Делаю несколько простых движений, блок, захват, поворот и... вот уже дядя Гена загнут носом к давно немытому полу, а рука его трещит в суставе.

– Отпусти, щенок, – тихо хрипит он, стараясь не закричать.

Знаю, что делаю ему больно, ну, а что мне ещё остаётся?

– Нападение на сотрудника при исполнении... – шипит он.

– Это не нападение, это самозащита, – парирую я.

Впрочем, ни для кого не секрет, что по линии самозащиты у меня, как раз, проблемки сейчас нарисовались.

– Короче, дядя Гена, ты можешь нормально меня выслушать или готов воспринимать только в позе рака?

– Пусти, сука...

– Ладно, отпускаю. Только ты не кидайся больше.

Я его отпускаю. Он выпрямляется. Злой, как собака. Морда красная, глаза дикие. Поправляет мундир, отряхивается и... резко бросается на меня. Снова. И снова оказывается загнутым носом в пол.

– Блин. Ну, придётся значит в таком виде с тобой разговаривать, – вздыхаю я. – Лишь бы не вошёл никто, а то неудобно ведь получится, да?

– Отпусти, – тихонько скрипит он. – Отпусти, гад.

Я отпускаю. Мне, в конце концов, не сложно. Он стоит, наклонив вперёд голову и переводит дыхание.

– Я сразу скажу для начала. Ничего не было. Успокойся. Ничего не было. А теперь сядь за стол и послушай. Садись, говорю.

Размашисто поправив разлетевшуюся чёлку, Рыбкин возвращается за свой стол. Я присаживаюсь напротив него и поворачиваю к себе телефон.

– Дочь дома? – спрашиваю, не глядя на него.

Он не отвечает. Я набираю телефонный номер и долго держу трубку. Не подходит.

– Так дома или нет?

– Дома, – зло произносит он.

Я набираю ещё раз и опять слушаю длинные монотонные гудки. Наконец, она отвечает.

– Алло, – слышу я тихий печальный голос.

– Только не бросай. Не бросай трубку.

Она молчит.

– Привет, Наташ. Это я. В общем слушай. Во-первых, тебе нечего стыдиться. Ты не сделала ничего такого, за что может быть стыдно. Ни передо мной, ни перед отцом.

Отец, возможно, так не считает, потому что кулаки его произвольно сжимаются.

– Ты очень красивая и смелая девушка, – продолжаю я. – и твоё сердце полно любви. Я тебя тоже очень люблю, Наташ. Это не шутка и не отговорка. Но мы с тобой ещё... почти дети, понимаешь? Не бросай, дослушай. Мне очень хотелось прикоснуться к тебе, обнять и поцеловать.

Рыбкин от этих слов становится просто зелёным, а из ушей у него дым начинает валить, как из внезапно пробуждённого вулкана.

– Но это было бы нечестно по отношению к тебе.

– Ты любишь кого-то другого? – тихо спрашивает она, прерывая молчание.

– Нет, ну что ты, кого? Нет, просто я знаю, как это бывает.

– Откуда ты знать-то можешь?

– Просто поверь, знаю. Ты сейчас думаешь, что влюблена в меня, но очень скоро ты выйдешь в мир, увидишь огромное количество новых людей, классных парней. И вдруг полюбишь кого-то ещё, уже по-взрослому, по-настоящему. Но будешь связана со мной. Понимаешь, что я говорю? Ведь я совсем тебя не достоин.

Она какое-то время молчит, а потом коротко спрашивает:

– Ты дурак?

Конечно, дурак, раз ничего лучше этой кретинической хрени не смог придумать.

– Наташ, я с батей твоим поговорю, он мужик нормальный и тоже тебя любит. Ты просто веди себя, как всегда и всё. Хорошо? И... я зайду к тебе?

– Нет! – говорит она и вешает трубку.

Я тоже вешаю и смотрю на Гену. А он – на меня.

– Ну что, нормальный мужик, всё понял? – спрашиваю я. – Или разжёвывать надо?

Он только головой качает.

– Смотри, не дави на неё, подобнее будь. Я вот смотрю на вас с ней и понять не могу, как оловянный твердолобый солдафон вроде тебя смог воспитать такую чудесную девушку. Это, я полагаю, не благодаря, а вопреки тебе... Ладно, пошёл я.

Я протягиваю ему руку и он, на мгновенье задержавшись,

крепко её жмёт.

– Слышь, Егорий... – как-то неуверенно начинает он.

– Я не...

– Егор-Егор, да. Слышь, Егор, ну а чё ты не женишься-то, если у вас так всё серьёзно?

– Чего? – теперь у меня глаза ползут на лоб. – Мне ж только семнадцать исполнилось.

– Ну, не сейчас, а когда можно будет. Сейчас просто скажи, так мол и так, люблю, выходи за меня, когда можно будет. И ей спокойно, и тебе нормально. Чё?

– Ладно, дядь Ген, прости, что руку тебе выкрутил. Пойду я.

– Да ладно, чё свои люди как-никак. Ты ж мне, как сын теперь. Жалко, не пьющий только. Но это дело поправимое.

Не знаю, что здесь ещё сделать можно было бы. Мне в голову ничего больше не приходит.

Выйдя от участкового, иду на встречу с Большаком. Мы договорились встретиться в Центральном универмаге, он как раз туда едет, а потом немного посидеть в баре у Альберта. Это рядом. В универмаге я покупаю два бюстгальтера для Лены Ивановой, по Большаковской записке, разумеется. Обещал, надо исполнять. Сегодня, как раз, у нас заседание. Вечернее.

Сделав покупку, шагаю в бар и жду Платоныча там. Альберт, увидев меня, едва кивает и сообщает, что кофе сегодня

нет. Закончился. Врёт гад, ну, да хрен с ним, не буду реагировать на его капризы. Вообще, конечно, работать с человеком с кукишем за пазухой не очень хорошо, ну а что делать...

Платоныч заказывает пиво и ему приносят стакан и бутылку чешского.

– Ну, как делишки? – интересуется он.

– Да, всё так же пока. Мне вот ковёр для борьбы нужен. Не желаешь, кстати, самбо позаниматься?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.